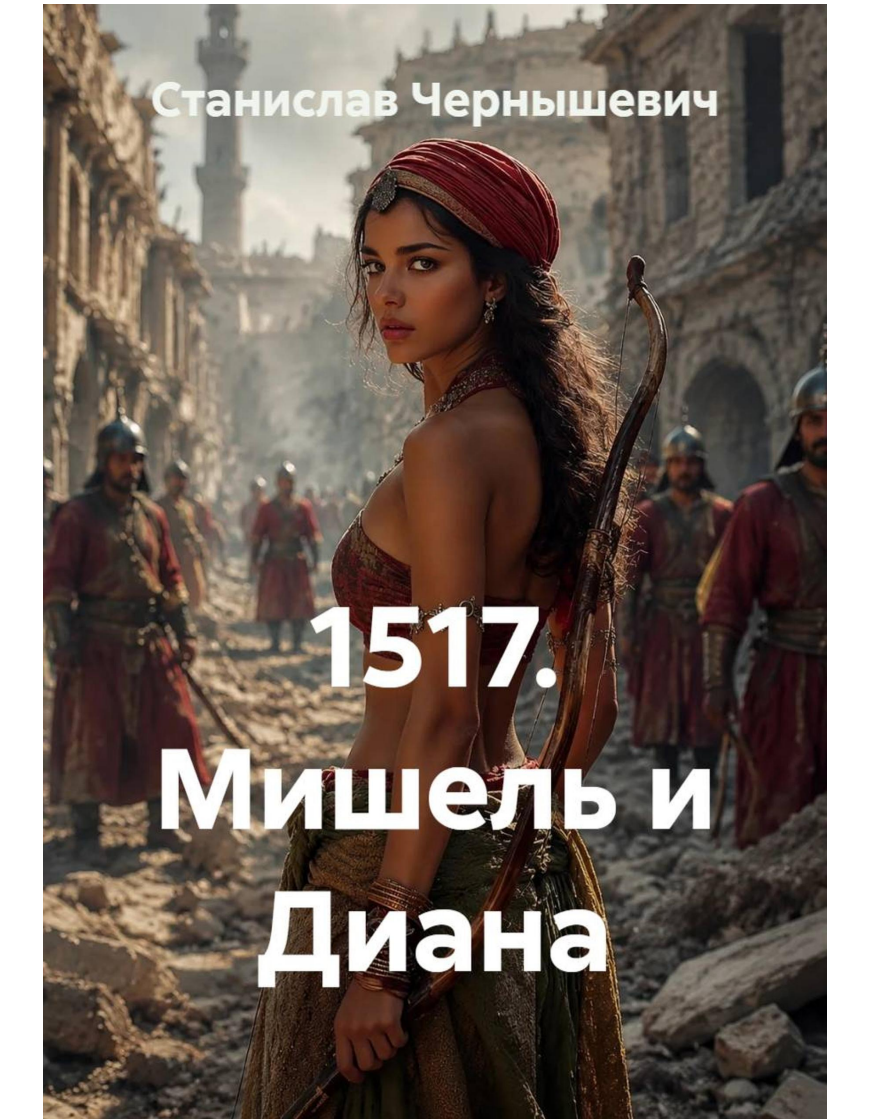

A woman with long dark hair, wearing a red headscarf and a green dress, stands in the foreground, looking back over her shoulder. She is holding a bow. In the background, several soldiers in red tunics and helmets are walking down a street that is filled with rubble and debris. The architecture is old and stone, suggesting a historical setting.

Станислав Чернышевич

1517.
Мишель и
Диана

Станислав Чернышевич

1517. Мишель и Диана

<https://litres.ru/74329289>

SelfPub; 2026

Аннотация

В 1517 году османский султан Селим I Свирепый начал военные действия в Египте. Часть его войск направилась в Ливан, где правил мудрый эмир Фахр эд-Дин. Внук эмира, Мишель, отправился в Каир, чтобы изучать военное искусство. По пути он встретил прекрасную принцессу Диану из племени араваков с Ямайки. В охваченном войной Каире Мишель был заключен в тюрьму. Диана помогла ему бежать, и они направились в Ливию, где присоединились к берберским пиратам. Капитан пиратов, Китолов, предлагает им принять участие в опасной экспедиции на остров, кишасый чудовищами, в поисках сокровищ. Так начались невероятные приключения Мишеля и Дианы по всему миру, наполненные опасностями.

Эпическая поэма "1517. Мишель и Диана" - это самое длинное рифмованное литературное произведение мире на русском языке в мире. Она содержит 20 000 строчек и зарегистрирована в книге "Рекорды России". Также это самая длинная поэма в Восточной Европе. Автор поэмы "1517. Мишель и Диана" Станислав Чернышевич

Содержание

ГЛАВА I	4
ГЛАВА II	51
ГЛАВА III	101
ГЛАВА IV	148
ГЛАВА V	195
Конец ознакомительного фрагмента.	214

Станислав Чернышевич

1517. Мишель и Диана

ГЛАВА I

Волшебный аромат цветов,
Чудесный запах первоцветов
Немного подразнил ослов,
В Каир везущих кастаньеты
В дар для султанского оркестра
И для парадных, славных дней,
В телеге вместе с парнем честным
По имени Мишель Абей.

Для двух ослов по стёжкам леса
Тащить телегу весом выше
Значений собственного веса,
По глине и траве закисшей, –
Приятного, конечно, мало.
И потому Мишель в пути
То спал, укрывшись одеялом,
А то предпочитал идти.

Одет он был в халат атласный,
Обут в сандалии простые,
Куда в подошвы ежечасно,
В давно уж стёртые, худые,
Бурьянный сор упрямо лез
И пятки сильно щекотал –
Тогда Мишель брёл под навес
И траву шилом вычищал.

Мишель Абей был сын Лиана,
Лиан же – зятем Фахр эд-Дина,
Который был эмир Ливана –
Земель, сведённых воедино,
Где люди мудрые решили
Свой край совместно защищать
И свод законов утвердили,
Чтоб Фахр мог ими управлять.

Страна долин и гор высоких,
Маслин, дубов и винограда,
Владычица морей глубоких
И бесконечной анфилады –
Эмира всюду возносила
За то, что был он долгу верен,
Не разгонял протесты силой,
Да и в словах нелицемерен.

Крепка была его рука,
Могущество весьма безбрежно,
С врагами ярость велика,
И в одеянье белоснежном
Он был начитан, разговорчив,
Знал арамейский и санскрит
И обожал народ свой очень –
От неимущих до элит.

Амина – дочь его родная,
Жена прекрасная Лиана,
Мишеля, сына, поднимая,
Была и Фахру талисманом:
Жемчужиной на всех пирах,
Союзником в упрямых спорах
И в государственных делах
Слыла поддержкой и опорой.

Она не ведала проблем,
Чтобы подать красиво ужин
И не касаться сложных тем,
Когда совет её не нужен
Эмиру был в какой-то миг –
Ну, например, когда он спал
В библиотеке между книг

И тихо веком трепетал.

Фахр с детства обожал Амину
И нежно относился к ней,
И вместе с дочерью в гостиной
Всегда встречал любых людей.
Она всем кланялась с почтеньем,
С чужой играя детворой,
И появлялось ощущение,
Что дом наполнен добротой.

Её одежда дорогая,
С декором в золотых застёжках,
И элегантность неземная,
И краски на лице немножко –
Так привлекают и чаруют,
Что весь народ глазеть бежал
На симпатулечку такую,
Как её папа называл.

Но лишь в одном с ней расходился
Нередко Фахр эд-Дин великий
И сразу строгим становился,
И поднимал скандал до крика,
Когда Амина, протирая
От пыли стол его рабочий,

Предметы двигала там, зная,
Что он разгневается очень.

Эмир не мог стерпеть такое,
Чтоб кто-то, в том числе и дочь,
Брал вещи те своей рукою,
Что призваны ему помочь
Страной руководить бессменно:
Большую круглую печать,
Кинжал, ещё палаш военный,
А также личную тетрадь.

Тетрадь была ценна особо –
В ней Фахр эд-Дин хранил записки:
Какие знатные особы
Настроены волюнтаристски
И были крайне непослушны,
Как контролировать их пыл,
Чтобы поступок их вертлюжный
Его престиж не сокрушил.

В тетради – также имена
И тех, кто был к нему лоялен:
Персоны, кланы, племена,
Кто был умён, рационален,
С кем можно было обсуждать

И мирный план, и шаг военный,
Кто смел был прямо выражать
Свой взгляд довольно откровенный.

– Амина, сколько говорить? –
Кряхтел отец, надувши щёки. –
Увещевать тебя, просить
И вслух высказывать упрёки,
Что вещи на столе моём
Лежат, как мне необходимо,
Чтоб безопасным был наш дом
И все остались невредимы.

– Да, знаю, папа, понимаю, –
Смеялась милая Амина. –
Но иногда так отвлекает
Жар от массивного камина,
Что греет комнату твою, –
Из-за него я размякаю
И в наслаждении пою,
И про палаш твой забываю.

– Палаш лежит в том самом месте,
Где мне удобно очень быстро
Схватить его с кинжалом вместе,
Если опасность вдруг нависла,

И руку подлую отбить
Предателя, что вынул меч,
Клинок отважно отразить
И звонким криком слуг привлечь.

– Ты говорил уже сто раз,
И в сотый раз тебе отвечу:
Я знаю, что ты любишь нас
Безбрежную любовью вечной.
Но кто рискнёт сюда зайти
Через сплошной заслон охранный,
Чтоб грань такую перейти –
Вонзить в тебя свой меч чеканный?

– Как кто, Амина? Ты не знаешь?
Врагов полно у нас с тобой.
Пока ты руку поднимаешь,
Чтоб тряпкой стол очистить мой,
Стереть потёки от стакана,
Испанцем купленный слуга,
А может, нанятый османом,
Уже взял нож из сапога.

Я слышу – он уже несётся,
Клинок свой острый обнажая,
Сейчас к нам в комнату ворвётся

И, тёплой кровью заливая
Мои халат, тюрбан и тапки,
Потом тихонько выйдет прочь.
Чем отбиваться? Твоей тряпкой?
Моя прекраснейшая дочь!

– Ты, папа, страхами наполнен,
Что почвы не имеют вовсе.
Я лично случаев не помню,
Чтоб в дверь сюда изменник скрёбся
Из собственной твоей охраны –
Предателей в ней нет совсем.
Ты – гордость славного Ливана
И дорог искренне нам всем!

– Не все довольны моей властью!
– Согласна, папа, здесь ты прав,
Но, извиняюсь, – лишь отчасти!
Любой в стране, эмиром став,
Расстроит сразу же того,
Кому он явно не по нраву,
Но вряд ли ты найдёшь врагов
В рядах бойцов искусных, бравых.

Смотри – их тут довольно много –
Отважных, доблестных солдат.

За ними наблюдают строго
Их командиры. Также в ряд
Стоит пехота во дворе.
Ещё вокруг двора – по кругу –
Патруль проходит на заре
На конях с боевой подпругой.

– А если всех он перебьёт
За ночь, подкравшись, словно кошка?
Коварно в спину нож воткнёт
И заберётся мне в окошко.
Как дам я бой ему потом,
Когда палаш мой прочь откинут?
Ну, ясно – стану бить ведром,
Пока нас люди не разнимут.

Смягчись, расслабься и остынь!
Уж если перебьют охрану,
То столько шейхов и шейхинь,
И с ними всякие султаны
Из дружественных нам краёв
Войска на помощь приведут,
Что бунтовщик без лишних слов
Прям тотчас попадёт под суд.

– Его под суд, а мне куда?

Ползти во двор в кровавой пене?
И там тебя ждать у пруда,
Чтоб положила на колени
Ты тихо голову мою
И стала утешать опять?
— Уйми гордыню же свою,
Не нужно дальше закипать.

Я знаю, ценишь правоту
Всех слов, что я сейчас сказала,
Но почему-то в пустоту
Они летят...

— А про подвалы
Забыла? С золотом они!
Вот потому и слуг две смены.
Ну а теперь умом смекни,
Как всех проверишь на измену?

— Отец, ты споришь, чтобы спорить,
Но всё, что ты сейчас сказал,
Не сможет нас с тобой рассорить.
Тебя никто не убивал
Ещё ни разу и не станет.
Опасность только вне дворца.
Сиди спокойно на диване! —
Амина обняла отца.

Эмир от нежных рук Амины,
Конечно, сразу раскисал,
Да и от глаз её невинных
Его пыл тут же угасал.
И он совсем не волновался,
И вид был не таким уж строгим,
В улыбке доброй расплывался,
Забыв и страхи, и тревоги.

Действительно, дворец огромный
Насыщен был толпою слуг,
Что отвлеклись делами, словно,
Но моментально брали в круг
Любого, кто без объяснений
К эмиру шаг свой направлял
Или хотя бы на мгновенье
В беседе голос повышал.

Лиан командовал охраной –
Всю стражу подбирал он лично.
Он не терпел одежды рваной
И разговоров неприличных.
Лишь те бойцы имели право
Дворец эмира охранять,
Чей облик был ему по нраву,

Чей вид способен восхищать.

Один из стражников Лиана,
В кафтане стёганом багряном,
Был ростом прямо с великана
И мастерски владел арканом.
Он неожиданно бросал
Витую прядь верёвки прочной,
И его выпад ужасал
Тем, что был бесподобно точным.

Другой мог гнуть железный прут
И своей силы не смущался.
Он превращал металл в хомут
И вешал всем, кто сомневался,
На шею прямо во дворце,
И проигравший спор – минуту
С досадой на своём лице
Скакал, как конь в сражение лютом.

Но самым славным и известным,
О ком шла всюду болтовня
И слухи в деревнях окрестных
Распространяла малышня,
Был Сулейман, что мог свободно
И быстро проходить сквозь стены

И возвращаться беззаботно,
Эмиру кланяясь почтенно.

– Скажи, что чувствуешь ты в стенах? –
Вопросы сыпались вокруг.
– Да нет особой перемены.
Сначала только был испуг,
Потом привык, вхожу без страха,
Да и спокойно выхожу.
Лишь чуть в пыли моя рубаха,
Которой очень дорожу.

Я, честно, и не замечаю,
Как будто нет совсем стены.
Хотя, когда вхожу, качает,
Сравнимо: словно от волны
Корабль в море в шторм несильный...
И вроде не стена она,
А просто сажа, дым коптильный,
Буквально в палец толщина.

– Ну что ж, такие нам нужны! –
Заметил Фахр эд-Дин степенно. –
Но правила для всех важны:
Ко мне без стука и сквозь стены
Входить даже тебе нельзя,

Факир чудесный Сулейман.
– Запретна комната моя, –
Добавил он, надев тюрбан.

Но строгий вид эмира был
Лишь ненавязчивым притворством,
Ведь Сулеймана он любил
С учётом прежнего проворства,
За то, что спас его Амину:
Когда она рожала внука,
Сошла с гор гравия лавина
Стрелою, пущенной из лука,

Свалился загородный дом,
Где роды начались у дочки,
Засыпав полностью потом
Подвал, в котором в старой бочке
С младенцем спряталась Амина,
А с ними добрая служанка,
Согнуть едва успели спины,
Как камни схлопнули землянку.

Сидели ровно полчаса,
Пока эмир скакал с подмогой,
А после юркнул, как оса,
Внутрь Сулейман и на дорогу

Сквозь камни вытащил троих –
Никто тогда и не спросил,
Как парню удалось за миг
Найти на это столько сил.

И лишь на ужин, день спустя,
Эмир, с величественным видом
Своим халатом шелестя,
Простив горам свои обиды,
Спросил у дочери своей:
– Что чувствовали, выбираясь?
– Отец, мы шли к любви твоей
И ни о чём не волновались.

– Но ты сама же понимаешь,
Куски скал, что сошли на вас –
Их за два дня не разбросаешь!
– Так Сулейман же вывел нас,
Пришёл за миг из ниоткуда
И после вышел в никуда.
Так мы и выбрались оттуда,
Явившись вчетвером сюда.

Не спрашивай, отец, не знаю,
Всё быстро проскочило так.
– Согласен, дочка, понимаю,

Но думаю, нам подан знак:
Вас в горы не пускать опять
И больше мне давать любви.
– Отец, а сына как назвать?
– Мишель! Вот так и назови!

– Скажи, а почему Мишель?
Быть может, надо по-ливански?
– Смотри, как сын твой колыбель
Трясёт – словно медведь непальский.
Хотя ему всего лишь день,
А сил, буквально, как у мишки.
Ты потеплей его одень,
И не целуйся сильно слишком.

Пусть воином растёт, солдатом,
Не надо баловать его.
А вот когда придётся сватать,
Тогда и будет у него
Возможность целоваться много
С той, кто ему женою станет.
Растёт пусть в обстановке строгой,
А уж не так, как кот в сметане.

Но не послушалась Амина,
И сделала наоборот.

И сына погрузив в глубины
Любви своей, красивый рот
От щёк его не отводила,
Ласкала, нежно целовала
И всюду с ним всегда ходила,
И смехом звонким забавляла.

История Ливана нежно
Ведёт нас к одному истоку –
Тем городам большим прибрежным,
Что стали звёздами Востока.
И самый главный в веренице –
Их венценосный град Бейрут,
Что основали финикийцы
На Средиземном море тут.

Как в знаменитую Пальмиру,
Что пышной роскошью влекла,
В Бейрут – на перекрёстке мира –
В те дни толпа торговцев шла.
А рядом Тир – веками модный,
Где Шёлковый великий путь
С сухого превращался в водный,
Чтоб морем к Риму домахнуть.

Везли туда бумагу, порох,

Фарфор, чай, специи и рис,
Ковры, одежду, шёлка ворох,
Ещё тибетский барбарис.
Флот проседал в воде так низко
От сумок, амфор, бурдюков,
Что плыл с чрезвычайным риском
Вдаль от ливанских берегов.

Кто путешествовал немало,
Познал красоты той страны:
Пещеры, бухты, птичьи скалы,
Дома античной седины.
Всё, как сейчас, так было раньше,
Пять сотен лет тому назад,
Когда с величьем широчайшим
Эмир ходил вперёд-назад.

Он выглядел совсем не старым:
Спина прямая, как у всех,
Кто в жизни, пожиная лавры,
Не ведал никаких помех,
Кто был настолько предан делу,
Что люди шли за ним толпой.
Он был во всех делах умелый
И вечно чем-то занятой.

На выпад огрызался стойко
И мчался воевать в седле
С очередным испанцем бойким,
Что в порт приплыл на корабле
Установить свои порядки
И флаг поднять вверху меж скал —
За эти наглые нападки
Суда эмир дотла сжигал.

Десятки тысяч рук с мечами
Взмывали в небо в его честь.
Бойцы с щитами за плечами
Готовы были в битву лезть —
Неважно с кем, неважно сколько —
Врагов пришло искать успех.
Эмир мог пальцем щёлкнуть только,
Чтоб утопить в крови их всех.

Ливан кругом в вершинах горных,
Что скрыты снегом на полгода —
Отличный щит для непокорных
Ливанцев от орды в походах,
Какою управляли строго
Сюда пришедшие султаны.
Их здесь лежать осталось много,
Убитых в кряжах и карманах.

Веками крепло государство
В боях за честь и за свободу,
И в этих страшных битвах частых
Лишь укреплялся дух народа –
Людей сплочённых, сильных, смелых,
Что, луки опустив к ногам,
Стояли на вершинах белых
Лицом к любым своим врагам.

Но только внук пошёл не в деда:
Он лишь к обеду просыпался,
Тяжёлого труда не ведал
И в разных девушек влюблялся,
С какими весело кутил
И юность прожигал в тавернах,
Где кружками напитки пил,
Что опьяняли честь безмерно.

Весь локоть на руке у принца
Чистейшим серебром обвешан.
Здесь явно было чем гордиться,
Ведь сплавом никаким не смешан
Анатолийский самородок,
И на браслетах знак стоял –
Эмблема царского их рода,

Какой принц чтит и уважал.

Девчонки с ним забот не знали,
Он наряжал их, как для бала.
Их пряди шпильки украшали
Из благородного металла,
А платья, сшитые по моде
У лучших дорогих портних,
Мишель своим подружкам, вроде,
Сам лично покупал для них.

Он даже как-то ранним утром
Посылку получил из Вены –
Десятки туфель в перламутре,
Чтоб танцевать в домах почтенных.
Мишель дарил их незаметно,
И совершенно не напрасно:
Смотрелись максимум эффектно
Девчачьи ножки в туфлях классных.

Однако люди замечали,
Что слишком он любвеобилен,
И даже во дворец писали,
Чтоб с ним всерьёз поговорили.
Без оскорблений неприличных
И без пощёчин непристойных

Внушили принцу, что публично
Он должен выглядеть достойно.

Семья вела с ним разговоры,
Пыталась как-то вразумить,
Но парень отвечал лишь спором,
Что знает сам, как надо жить,
За что и получил суммарно
Он наказание – ехать в ссылку
В Египет, сев к звезде Полярной
В телегу вечером затылком.

Ливан восходит к слову “белый” –
Так переводится в трудах
Он у учёных престарелых
В льняных накидках на плечах,
И их труды – есть часть эпохи,
Что видела и страсть, и кровь,
Дворцовые переполохи,
Интриги, войны и любовь.

Дворец, где потолки высоки,
Просторный был, почти безбрежный.
В кувшинах – пахта, салеп, соки,
Еда в посуде белоснежной
Любой мог подойти и взять

Лепёшки с мясом, с сыром, с рисом,
А если у окна стоять –
То виден край морского мыса.

Собрав Мишеля для поездки,
Родня была тверда осанкой:
Мол, обсуждали на повестке
Его влечение к гулянкам.
– Египет в этом плане строгий, –
Сказал отец, прощаясь с сыном. –
Он отучил подростков многих
От тяг к излишествам и винам.

Мой брат там правит всем Каиром,
И ты – племянник славный, брату.
Узнаешь суть другого мира,
Вернёшься воином, солдатом.
А из каштанов кастаньеты
Пусть примет в дар глава бессрочный.
Так принято по этикету,
И к ним ещё вот – мёд цветочный.

Скажи ему, что собирали
Тот мёд в лугах, в горах высоких,
И очень сильно рисковали
Сорваться вниз, в обрыв глубокий.

Но ради брата дорогого
Я лез на скалы без сомнений.
Пушай поест медку густого
На свой ближайший день рожденья.

— А кастаньеты, внук любимый, —
Вмешался дед, мотнув тюрбаном, —
Готовили неутомимо
Нам из испанского каштана.
Заказ мы сделали в Мадриде,
Послав в обмен мечи из вутца.
Испанцы, как их только видят,
Уже от жадности трясутся!

— И что же за мечи такие? —
Мишель спросил у деда робко. —
У них, что, ручки золотые
Или они быстрее пробки
В ладонь выскакивают сами
Из ножен в самый нужный миг?
Или на лезвии орнамент,
Какого нету у других?

Лиан позвал в сторонку принца
И снял с ковра блестящий меч.
— Ну, ты же знаешь дедов принцип:

Не отвечает он на речь,
Когда она полна острот
И ядовитая особо.
Не забывай, что ты – наш род,
Держи клинок и сам опробуй.

Меч так изыскан в своём виде,
Неповторим в своём движенье,
Что воин, на коне с ним сидя,
Уже внушает уваженье.
Клинки из вутца так остры,
И прочен так в бою булат,
Что сразу оставляешь ты
Без шансов вражеских солдат.

– Ну что ж тогда, позволь понять:
Вот если меч такой прекрасный,
Зачем Мадрид вооружать,
Давать им перевес опасный?
– Мишель, послушай, сын мой милый,
Немного прояви чутья:
Мы лишь показываем силу,
Не технологию литья.

– И что? В Испании огромной
Не могут сталь варить как надо?

У них и флот боеспособный,
Бывает, целая армада
Плывёт в морях и океанах,
И пушки лучшие у них.
Они и здесь торчат незвано,
У наших берегов крутых.

– Ты прав, Мишель, но меч из вутца
В Европе всё равно в цене.
Попозже, может, разберутся,
Как плавить сталь в печах, в огне,
Чтоб получать такую прочность,
Что в наших есть мечах сейчас,
Ну а пока не могут точно,
И потому берут у нас.

– Смотри: килич, а вот ханджар.
Они из лучшего металла,
Что для врагов – сплошной кошмар.
Ведь твёрже нет материала.
Блеск, гибкость каждого клинка
Испанцев будоражит важных.
Легко снимает с позвонка
Он головы солдат отважных.

Отец Мишеля был из Тира,

Почтенный воин, что когда-то
Вниманья дочери эмира
Добился молодым солдатом.
На трон претендовать не мог,
Да он и не претендовал,
Но день за днём, сбиваясь с ног,
Родного сына опекал.

А сын как раз и был наследник
Той самой крови, что давала
Ему, как говорил советник,
Права на власть и допускала
Знать все секреты во дворце
И порицанье объявлять
Тем, кто с упрямством на лице
Приказ не хочет выполнять.

Только вопросы государства
Для принца были лишь вторичны.
Он обожал ведь те пространства,
Где много женщин симпатичных.
А заседания подручных
Вельмож, где были сплошь мужчины,
Мишель считал занятием скучным
И пропускал их беспричинно.

На мраморной плите огромной
Стояло здание дворца.
Величием и гневом полный,
Казался принцу вид отца.
Дед в украшениях драгоценных
Качался рядом на качелях
И повторял, что нет замены
Решению изгнать Мишеля.

Мишель не смел присесть при старших,
Но право говорить имел.
— Мне кажется, придирки ваши,
Как сотня очень острых стрел,
Летят в меня несправедливо.
Я ничего не нарушал,
Веду себя всегда учтиво
И в мыслях чист, словно кристалл.

Эмир в ответ заулыбался
И посмотрел недоумённо
Туда, где внук его топтался,
Всё отрицая непреклонно.
И захотелось Фахр эд-Дину
Махнуть на мальчика рукой,
Коль он предстал опять невинным,
Но вырвалось само собой:

– Действительно, твой вид снаружи
Весьма и честен, и приятен.
Нельзя сказать, что неуклюжий, –
Всегда постиран и опрятен,
И слуг совсем не обижаешь,
И с подданными вежлив очень,
Но только часто посещаешь
Места, где пьянь гуляет ночью.

Наш род такое осуждает,
Принять такое невозможно.
Никто из нас не понимает,
Зачем ты выбрал путь столь ложный,
Когда есть шанс испить из блюда
Сполна могущества и славы.
Ну что ж, в Египте разберутся,
Ошиблись мы сейчас иль правы.

– А расстояние до Египта
Не догадались подсчитать? –
Принц зацепил эмира хитро. –
Туда два месяца шагать!
А у ослов ведь шаг короче.
– Так ты и не спеши особо, –
Эмир воскликнул властно очень,

Пугнув всех рядом до озноба.

Задумайся о поведенье,
Зачем родился ты на свет,
Понять своё предназначенье
Пора тебе уж в двадцать лет.
Поразмышляй, вцепившись в вожжи,
Как сделать дел полезных много,
И в этом пусть тебе поможет
Как раз та долгая дорога.

Мишель не знал, что и ответить,
Ведь за любую его фразу
Его как будто били плетью
И после убеждали сразу,
Что жизнь его сейчас никчёмна,
И ссылка в дальнюю страну
Ему поможет благотворно
Прочувствовать свою вину.

Но почему категорично
Решенье принято такое?
По сути, это нелогично —
Гнать принца из его покоев.
Ведь если он погибнет зверски
Убитый где-то на дорогах,

Кто трон займёт потом имперский?
Кто станет старикам подмогой?

– И всё равно мне непонятно,
Кто пишет на меня доносы,
Преувеличив пятикратно
Мою вину, назвав несносным
Моё желание гулять
Там, где лишь сброд гуляет пьяный.
Что за доносчик и как звать?
Скажи – преследовать не стану.

– Сказать, конечно, не скажу,
Лишь намекну, что это друг.
Я за тобой ведь не слежу,
Хотя и знаю весь твой круг.
Змея вползла к вам очень близко
И мне рассказывает лично,
Кто пал из вас довольно низко,
А кто ведёт себя отлично.

Мишель растерянно стоял.
Ответ, что выдал Фахр эд-Дин,
Ему, конечно, позволял
Задать вопрос ещё один.
Он был взволнован и расстроен:

Неужто кто-то из своих
Сдаёт, расчётлив и спокоен,
Все замыслы и планы их?

– Так это друг доносит, значит?
И имени совсем не скажешь?
– Нет не скажу, мой внук, иначе,
Ты обязательно накажешь
Его, воспользовавшись силой
И властью, что тебе даны.
Вдруг обойдётесь с ним не мило,
А нам скандалы не нужны.

– Ты там не подведи в Каире, –
Добавил дед. – Держись прилично,
Решай любые ссоры в мире,
Покушав, мой посуду лично.
Когда ведёт беседу старший,
Молчи, пока тебя не спросят.
Не ешь лаваш, на пол упавший,
Не пей того, что с туфель сносит.

В дорогу вот бери монеты.
Они из золота!

– Так много?
– Их примут в каждой части света,

Куда б ни привела дорога.
А если станут грабить рьяно,
Семейный вот тебе кинжал.
Ещё совет: беги от пьяных,
Где их бы, внук, ни повстречал.

В семье эмира спорить с главным
Никто не смел даже пытаться.
Никто не мог, что и не странно,
Такого мужества набраться.
Семья была – пример для граждан,
За ней следили днём и ночью,
И применяли в доме каждом
Их лучший опыт и не очень.

Так что эмир в кафтане красном,
Подбитом мехом дорогим,
Дал всем понять предельно ясно:
“Честь рода в доме сохраним!”
И приказал внести в цитатник:
“Любой повеса здесь – изгой,
Кто должен, взяв овечий ватник,
Уехать сразу с глаз долой!”

Лишь только мама не хотела,
Чтоб сына гнали из дворца,

Но её слово не имело
Таких же прав, как у отца.
Связала она кофту парню
И вышла провожать в слезах.
Как молот бил по наковальне –
По нервам материнский страх.

Мишель обнял её так нежно,
Как это может только сын,
И обещал вернуться спешно,
Чтоб не прибавить ей морщин.
Хотя прекрасно знал: дорога
В далёкий и суровый край
Отнимет времени так много,
Что дни считать лишь успевай.

А как же отнеслась прислуга
К отъезду принца во дворце?
Кто с интересом, кто с испугом,
А кто-то на своём лице
Носил пустое безразличье,
Но, если в целом рассуждать,
Скандал семейный – очень личный,
Чтоб его слугам обсуждать.

А вот любимый шут Мишеля

Успел товарищу пожать
На счастье руку и свирелью
Гостей умчался развлекать.
Ведь, хоть и жалко было внука,
Эмир предупредил здесь всех,
Что станет рад он тем лишь звукам,
В каких – хихиканье и смех.

И потому все веселились,
Смешно плясали под свирель,
У ваз с бананами толпились
И пили яблочный коктейль.
Шуты ходили на ходулях,
Гимнаст садился на шпагат,
Мишень из аркебузы пульей
Искусно поражал солдат.

Гудел дворец многоэтажный,
Что был из камня крепко сложен.
В спектаклях комики отважно
Прошлись сатирой по вельможам.
Эмир там и себя узнал
В одной из храбрых тех пародий
И очень громко хохотал –
Понравился сценарий, вроде.

Мишель вздохнул, покушал плотно,
Спасибо поварам сказал
И, почесав кота щекотно,
Ремни сандалий завязал.
Дед приказал, чтоб незаметно
Он от друзей покинул двор,
И возраженья были тщетны,
Как и вообще какой-то спор.

В телеге не было простора,
Вместимость – пара человек,
Зато был чай с недавних сборов,
Соломы куча, чтоб ночлег
Не показался слишком жёстким,
Кремень с кресалом для огня,
Сундук, вода, пять мисок плоских
И свежих булок на три дня.

Ещё там был навес на рейках –
Они торчали по бокам,
Зонт, хлопковая телогрейка,
Чтоб согреваться по ночам,
Копьё шестнадцатого века
С весомым остриём железным
И книги педагога-грека,
Что явно были здесь полезны.

Другие вещи были скрыты
Под крепкой тканью парусины:
Там и компот, в бутылъ налитый,
И много специй, и маслины,
И в бочке мёд, и кастаньеты,
И красный праздничный кафтан,
Пирог, в дорогу разогретый,
И металлический стакан.

Мишель в телегу прыгнул, ёжась,
Её в раздумьях покачал,
Чтобы проверить на надёжность,
И птицам в небе помахал.
Пеганка, щёголь, свиязь, стрепет –
Он знал вокруг любую птицу.
В поездке, что приводит в трепет,
Инстинкт их мог бы пригодиться.

Когда они огромной стаей
Взлетали с веток резко вверх –
Возможно, что еды желая,
Медведь голодный начал бег
Примерно рядом с данной точкой,
И лучше тихо постоять,
Чтоб скрип колёс по мелким кочкам

Его не начал привлекать.

Вообще, в таком пути опасном,
Где каждый зверь убить готов,
И день то ясный, то ненастный,
И нет друзей, чтоб парой слов
Для настроенья обменяться,
Да и для внутренней свободы,
Уместно будет полагаться
На милость от самой Природы.

– Вперёд! – Мишель ослов погнал,
Обиженно сверкнув глазами,
На людях чувств не показал,
Лишь обещав вернуться маме.
– Пока, Ливан! Я в край враждебный
Сегодня выдворен нечестно.
Пусть не в рудник тюремный медный,
Но что там – вовсе неизвестно!

Красивым ожерельем тучи
Висели за большой скалой,
Чей вид был горд и неуступчив
Над Аравийскою плитой.
Она веками возвышалась
Здесь со времён палеоцена

И почитаемой считалась
В Ливане с первого колена.

Проезду камни не мешали,
Скала была вдали правей,
Но взгляд Мишеля привлекали
Там засиявшие на ней –
Костры, зажжённые народом,
Что провожал в дорогу принца
Из ныне правящего рода
По правилам своих традиций.

Не все в Ливане соглашались,
Чтоб принц был изгнан из страны,
И кое-кто толпой собрались,
Их взгляды вниз устремлены,
Где, словно капелька воды,
Казался им Мишель в деталях –
Интриг дворцовых и вражды
Заложник, – как они считали.

Эмир на резвом скакуне,
В накидке очень дорогой,
При яркой молодой луне,
Под мощный барабанов бой,
На ту скалу взлетел уставший,

За ним – под сотню верных слуг,
Сдержать людей, заклокотавших,
Что встали дерзко в полукруг.

Однако вождь умел красиво
Снять напряжение, – был бы повод,
Мог слушать очень терпеливо
И тихо разъяснять свой довод.
Вот и сейчас он вышел смело
Отъезд Мишеля объяснять –
Что принцу воинское дело
Настало время постигать.

Эмир сказал, что чтит Мишеля
И в детстве очень обожал,
Ходить учил, потом в качели
Сам лично во дворе сажал,
И кисть с холстом и акварелью
Он подарил быстрее всех,
И что прошёл с ним все ущелья
В горах, топча там вечный снег.

– Но ты же выгнал из Ливана
Его по мелкому доносу!
Такой вот слух пронёсся странный,
Теперь ответь нам на вопросы:

Какой же суд решение принял
Юнца в изгнание отправить? —
Торговец в одеянье синем
Сумел народу гнев добавить.

— О, люди! Не было суда,
Мишель ведь вовсе не преступник,
И им он не был никогда,
Он не зачинщик, не отступник.
Он мамы не предал своей,
Он внук мой, если кто не знает,
И, как глава семьи моей,
Я сам решение принимаю.

— Постой! — ответил ему воин,
Носивший имя Бенъямин,
Что внешне был весьма спокоен,
Классический герой с картин.
Участвовал в боях во многих,
Был в шрамах белых на руках,
Держали крепко его ноги,
И взгляд совсем не ведал страх.

— Эмир, желаю я сразиться,
Чтоб отстоять мальчишки честь,
Что с нами не успев проститься,

Был вынужден в телегу сесть
И ехать в дальнюю страну
Дорогой сложной и опасной.
Я ставлю то тебе в вину –
И два меча взял не напрасно.

Народ топтаться стал у лужи,
А слуги спрыгнули с коней,
Чтоб смельчака связать потуже,
Кто речью дерзкою своей
Эмира перебил публично
И меч свой выхватил из ножен,
Что в целом крайне неприлично
И на мятеж сейчас похоже.

Но Фахр эд-Дин пленить не дал
Того, кто вышел из толпы.
Наоборот, он приказал
Освободить ту часть тропы,
Где битва яростная будет,
А после тоже слез с коня
И, передав поводья людям,
Размялся, шпорами звеня.

– Ну что же, славный Бенъямин,
Претензии твои суровы.

Беру я меч, хоть нет причин
Лить кровь сейчас на эти горы.
Когда-то, помню, мы с тобой
Сражались за Ливан здесь вместе.
Теперь ты предлагаешь бой
Между собой и в том же месте.

– Давай быстрее уже начнём! –
Ответил жёстко гордый воин
И стукнул по плечу мечом
Эмира, что стоял спокоен.
Народ чуть не присел от страха,
И Фахр не ожидал, похоже,
Что меч на воротник рубахи
Так нагло Беньямин положит.

Чудовищный удар нанёс
Вмиг оскорблённый Фахр эд-Дин,
Но меч, подрезав прядь волос,
Лишь только соскользнул с пластин
На крепких и надёжных латах,
Но вмятину на них оставил.
Спас панцирь храброго солдата,
Что жизнь свою на кон поставил.

– Силён! – воскликнул Беньямин. –

Чувствителен твой выпад быстрый.
Его не слушал Фахр эд-Дин.
Он в гневе крайнем стал неистов.
Обидчика клинком достать
Решил он снова, но солдат
Стал резко тело уклонять
И выдержал ударов град.

Теперь пришёл черёд эмира
Узнать о силе оппонента,
Что, явно не желая мира,
Найти пытался те сегменты
В защите у вождя Ливана,
Куда б мечом он смог добраться,
Чтобы одной серьёзной раной
Его заставить сразу сдаться.

И вот настал момент удобный:
Вдруг начал Фахр эд-Дин шататься,
Став на секунду неспособный
В бою суровом отбиваться.
Виной был грунт немного влажный,
На нём и разъезжались ноги,
Но воин устоял отважно,
Чем восхитил людей здесь многих.

И снова зазвенела сталь,
Эмир отбил атаку друга,
Тот отбежал немного вдаль,
Чем Фахру оказал услугу.
Фахр был настроен очень смело
Сражаться за себя и трон,
Соперник же не знал, что делать,
Ведь потерял сноровку он.

И опыт старый не помог,
Когда сцепилась снова пара.
Свалили Бенъямина с ног
Эмира хлёсткие удары,
Но Фахр эд-Дин не стал кромсать
Мечом поверженного друга,
Наоборот, дал руку встать,
Поправив на плечах кольчугу.

А после развернулся к людям
И показал, что, хоть и был
Жестокий бой довольно труден,
Он кровью латы не залил
Бойца, что стал конфликтовать.
– Вы, мой народ, не иностранцы!
И меч не должен мой торчать
В груди убитого ливанца.

– Мишель поймёт нас и простит, –
Запрыгнул он в седло проворно. –
Он тоже из железа слит,
Он – также род наш непокорный.
Ливан гордиться должен тем,
Что я хочу, чтоб мальчик смог
Постичь, что нам известно всем,
Кто свой пересекал порог:

Лишения и нищету,
Любовь прекрасную, свободу,
Морей великих красоту,
Традиции других народов.
Пусть не хлебнёт коварства дружбы
Людей случайных на пути,
И верных, настоящих, нужных
Друзей сумел себе найти.

На том народ и разошёлся,
Костры на скалах потушив.
Лёд подозрений раскололся,
Эмира снова полюбив,
Толпа отправилась до дома,
А принц в телеге, замерзая,
В борьбе с упрямой полудрёмой

Вкушал неспешно чашку чая.

ГЛАВА II

Ночь проползла, как анаконда.
Ослы бредут, не отдыхая.
Бейрут исчез за горизонтом,
И впереди лишь даль глухая.
– Какая славная дорога! –
Мишель стал хлёстко щёлкать плетью,
Решив развлечь себя среди смога
Песочной пыли на рассвете.

Звук от кнута летел до гор
И к уху возвращался эхом.
Вдали был также разговор
Негромкий, слышен с детским смехом.
Подростки надрезали с хрустом
В саду под каменным уступом
Белокочанную капусту
И зелень свежую для супа.

Мишель кивнул им молчаливо,
А после потянулся плавно.
Один из них присел пугливо,
Другой был посмелее явно –
С улыбкой помахал Мишелю
В ответ приветливо рукой,
А в это время прогремели

Раскаты грома над рекой.

Принц спрыгнул, разминая ноги.
Он рад сейчас поговорить
С любим, кто встретится в дороге,
Кто мог внимание уделить,
Пусть даже и с детьми словами
В беседе быстро обменяться:
Слогами, строчками, строфами
Или же просто посмеяться.

Но что-то принцу подсказало,
Что дети – не в своём саду,
И потому их испугало,
Когда он спрыгнул на ходу.
И чтобы тем подросткам сразу,
Внушить, что он им не опасен,
Принц произнёс такую фразу:
– А ну-ка, кто со мной согласен,

Что хорошо мальфуф бы съесть,
Тушёных голубцов с лимоном?
Капусты, вроде, здесь не счесть,
Но, если следовать закону,
Владельца надо поискать.
Нельзя мне брать её, как... дети –

Им можно всё, ведь что с них взять,
А мне тюрьма за это светит.

И, словно понимая принца,
Один из мальчуганов шустро
К нему засеменял с гостинцем
И дал два пирожка с капустой.
– Фатайеры держи, Мишель!
В дороге лучшая закуска.
В Каир брести пять - шесть недель.
И семечки ещё полускай.

– Спасибо, слушай, удивил,
А я не знал, что за Бейрутом
Все в курсе, что постановил
Эмир в своём приказе лютом!
– Послать тебя в Египет в ссылку?
Так слух несётся без оглядки!
Смотри, там впереди развилка,
Держись дороги, где брусчатка.

– Откуда знаешь?
– Мы здесь часто
Гуляем с другом по тропинкам.
И с нами пёс, наш друг хвостастый,
С которым спим в лесу в обнимку,

Когда застигнет ночь в пути.
Брусчатка поведёт к гряде,
И к ней, примерно, час идти,
А после – поворот к воде.

К реке подъедешь – мост найдёшь,
Он прочный, арочный, свободно
С осликами быстро перейдёшь,
Хотя поток там полноводный –
И, если сверху рухнешь вниз
С телегой вместе и с вещами,
Тебя в нём ждёт ещё сюрприз –
Дно с очень острыми камнями.

Те камни горная река
Никак не может обточить.
На них не встать – наверняка
В реке так и продолжишь плыть
Среди раскиданных вещей,
А впереди – водовороты.
Ты сразу же бери правей,
Когда они начнут охоту.

– Водовороты нам некстати,
Да и телегу потерять,
Чтоб попусту дирхамы тратить –

Другую снова покупать
Мне не особо интересно.
Попробую пройти так робко
Я мост, доселе неизвестный,
Как будто по болоту тропкой.

– И после будь поосторожней –
На речке завелись пираты.
Уснёшь – проснёшься, как заложник,
И с ними поплывёшь куда-то
В их лагерь, где посадят в клетку
И выкуп станут вытрясать,
И есть бросают лишь объедки,
И обожают унижать.

– А вам домой уж не пора?
– Да нет, нам можно и попозже.
Мы с другом ведь не детвора –
Нам даже разрешают ножик
С собою брать, чтоб отбиваться
От хищников огромных лютых,
Но мне понравилось общаться
С тобою у посевов нута.

Ты – внук великого эмира,
Но в разговоре очень прост.

Ты едешь в сторону Каира,
А впереди маячит хвост
Ослов, которых не заботят
Ни войны с засухой, ни шторм,
Лишь ждут, когда их пощекотят
И поднесут к их мордам корм.

Ну, в общем, это необычно.
Ты обстоятельно другой.
Совсем не пафосный, приличный,
Как с ровней говоришь со мной.
Я видел тебя год назад,
Когда мы в город в выходной
С отцом пришли. Ты наугад,
Здоровался везде с толпой.

На рынке это было дело,
Ты руку мне пожал ведь тоже,
И я тебе довольно смело,
Сказал, что с мамой вы похожи.
Она с тобой тогда была,
И ей понравилось сравнение,
Она меня приобняла,
И появилось впечатление

О вас, как о хороших людях.

Сейчас же ты совсем один,
И путь твой до Каира труден
Среди камней и хворостин,
Но ты такой же беззаботный,
Что был во время прошлой встречи,
И потому с тобой охотно
Могу общаться день и вечер.

– Причудлив миг! Я так польщён
Словами, что наговорил
Ты здесь, но вместе с тем смущён,
Что путь сейчас ты оценил
В Египет трудным, в диалоге.
Ты ведь ещё довольно юн,
Чтоб знать, о сложности дороги,
Ещё и с виду – хохотун.

Ну, ладно, мне бы надо в путь.
Не знаю, кто вам рассказал
Те сказки, но теперь уснуть
Смогу я, лишь держа кинжал
Или копье в руке своей
Откуда здесь в реке пираты?
Вот вам дирхам на двух детей.
Надеюсь, встретимся когда-то.

Не обманули принца дети.
Река, действительно, была.
С ливанских склонов в пируэте
Она бурлила и текла
К мосту, что был весьма занятным —
Вода его краёв касалась,
И принцу сверху беспощадной
Своим напором показалаь.

Дорогу строили здесь персы,
Когда напали на Ливан.
В дальнейшем, по одной из версий,
Пронёсся тут, как ураган,
Сам Александр Македонский,
А после вторгся Рим Великий.
Их вытеснил довольно жёсткий
Мансур под боевые крики.

Род благородный Фахр эд-Дина
Участвовал во всех боях,
И потому эмир в гостинной
Всегда, при слугах и гостях,
Был откровенен до азарта,
Когда шёл разговор о войнах,
И всем показывал штандарты
Времён различных, беспокойных.

– В моих руках алам персидский:
Лев, меч и Солнце в небе синем,
Его огонь артиллерийский
Серьёзно потрепал – починим,
Поставим латки там, где дыры.
А вот – штандарт Ахеменидов,
Заставивших дрожать полмира.
Два флага так прекрасны с виду!

А эта тамга – три кольца
На тёмно-синем полотнище,
На ручке с меди и свинца,
Что я сейчас потру, почищу, –
Есть символ самого Тимура,
Что кровью заливал округу
И кто одним лишь взглядом хмурым
Султанов обращал в прислугу.

– А нет ещё каких-то стягов? –
Воскликнул родственник эмира,
Приблизившийся на полшага. –
Пожалуйста, проинформируй!
Твои истории заняты
И страхом сковывают ноги,
И говоришь весьма понятно

Журчащим языком нестрогим.

– Конечно! – крикнул Фахр эд-Дин,
Столь яркой лестью вдохновлённый. –
Стяг есть, и он, здесь, не один –
Вот стяг из шёлка, есть суконный.
Есть стяг старинный – он от греков,
Штандарты римских легионов,
По-моему, второго века!
Я их поставил сзади трона.

Недавно я послал солдат
На помощь африканским странам:
Из Португалии отряд
Приплыл их грабить и тараном
Стал бить в ворота городов,
Любых, какие попадутся.
Мы смяли вмиг своих врагов
И взяли в плен – они трясутся,

Боятся сильно, что убьют,
Но мы домой их отпустили.
Штандарты же храню я тут,
Хотя они вернуть просили.
Но я сказал: "Верну не вам,
А самодержцу Мануэлу".

Сказал: “Пусть сядет в судно сам,
Подвоха нет, плывёт пусть смело.”

– И что, король их Мануэл
Явился и забрал штандарты? –
Вдруг рядом басом загремел
Слуга с немецкой алебардой. –
Такой был сильный интерес,
Что он спросить не побоялся.
Эмир с дивана сразу слез
И, чтоб слуга не волновался,

Обнял его за плечи быстро:
– Проигнорировал король,
Не ткнулся судном в нашу пристань,
Не клюнул с миром – хлеб да соль
Великий самодержец носом,
С почтеньем подойдя ко мне,
Стоящему в дверях с подносом
И дружелюбному вполне.

И я особо не старался
Наладить с ними отношения.
Ведь Лиссабон не колебался,
Когда порой в одно мгновенье
Вторгался в страны по соседству

В попытках навязать порядки,
Любые применяя средства,
На наше мнение – без оглядки.

– Вы так и станете беречь
Те золочёные знамёна?
– Ну, точно уж не дам посечь
Ножом их, как пирог слоёный.
Ведь не штандарт воюет с нами,
А те, кто шлют сюда бойцов,
Повесив флаг над парусами
Огромных с пушками судов.

Слуга почтительно кивнул
И снова вытянулся ровно,
А рядом тихо скрипнул стул –
Мишель привстал и знаком скромным
Эмиру показал, что надо
Ему из залы удалиться.
На что эмир сказал:
– Порядок!
Ты – внук мой, незачем проситься.

Иди, не наклоняя спину,
Куда счёл нужным, без вопросов.
Однако, захвати маслины –

Их здесь облюбовали осы.
Верни тарелку поварам,
И пусть нам принесут кефир.
А лучше принеси-ка сам, —
Подумав, заявил эмир.

Мишель мгновенно осознал,
Что это — тактика эмира,
Который людям показал,
Стреляя словом, как мортира,
Что внук его, хотя и волен
Формально в выборе своём,
На самом деле подконтролен,
Как все здесь во дворце кругом.

И потому принц сел опять
На стул свой — предпочёл остаться.
Эмир же продолжал стоять
И в рассуждения пускаться
О флагах, что враги Ливана
С собой в свои походы брали,
И, если бой шёл не по плану,
То победителям сдавали.

Беседы с мудрым Фахр эд-Дином,
Который о стране знал много

И сразу вёл за стол в гостиной
Всех без разбора прям с порога,
Мишель воспринимал спокойно,
Примерно как занятия в школе.
В Ливане обсуждали войны
В то время за любым застольем.

И книги Фахр эд-Дин писал
О главных боевых сраженьях,
Чтобы народ ливанский знал,
Какое важное значенье
Имеет память о былом,
Что извлекать, чему учиться
У предков, защищавших дом,
Стране не давших развалиться.

– Ну, точно, есть же книга! Вспомнил! –
Воскликнул принц довольно громко,
И, добрым чувством переполнен,
Он сразу же полез в котомку,
Полазил там чуть-чуть рукою
И вынул рукопись эмира.
- Сейчас, сейчас главу открою,
Где Македонский бился с Тиром!

Когда-то начинал читать,

Но бросил в дрёме полуночной.
Ну что ж, попробую опять
И в этот раз осилю точно.
На свете много развлечений,
Но книги – лучшее из них.
Как я не придавал значенья
Им раньше в вихре дел своих?

Глазами пробежав по тексту,
Мишель нашёл его прекрасным:
Эмир писал о прошлом честно,
И стиль красивым был и ясным.
Переплетён был свиток шёлком,
Чернила – сажа, киноварь.
Обложка с позолотой тонкой,
И вкладка – лунный календарь.

И стал принц вслух читать протяжно,
Со лба отмахивая чуб,
Как будто бы артист бродяжный
Свой номер исполнял за суп
На рынке в роли зазывалы,
Где очень слаб людей поток,
Но ему это не мешало
Чеканить в слове каждый слог:

– Тир – крупный узел на Востоке
И островное государство.
Слыл очень сильным и жестоким,
И даже проявлял коварство.
Сюда везли торговцев честных,
Товары якобы смотреть,
И в рабство продавали местным
Коварно, под кулак и плеть.

Однажды часть тирийцев важных
Вдруг захотела перемен,
Поплыли в Африку отважно
И основали Карфаген.
Тот самый, что потом в сраженье
При Каннах был непобедим
И к Ганнибалу с уваженьем
Заставил относиться Рим.

Мишель взял паузу на миг
И подтянул копье поближе.
В лесу звучал пустельги крик,
Что опускалась плавно ниже.
Наверное, там кто-то брёл
В дали, окрашенной в индиго.
Принц в этом страха не нашёл,
Обратно погружившись в книгу:

– Упрямо остров финикийцев,
В своём конфликте с Македонским,
Бросал в бой каждого тирийца,
Но всё ж порт средиземноморский
Сметён был в страшном том раздоре.
Вот только, чтоб с ним совладать,
Эллины даже дамбу в море
Пытались камнем накидать.

Была огромной дамба эта:
Длиною в восемьсот шагов
И в ширину полсотни метров,
Но Тир отпугивал врагов,
Мешая строить в море мол,
Чтоб не пустить с материка
Тех, кто с войной сюда пришёл,
Чья ярость страшно велика.

И поначалу удавалось
Тирийцам храбрым защищаться:
Они жгли дамбу, та ломалась,
И сваи начали качаться.
И поняли островитяне:
Врагу по суше не пробиться.
Не оказался Тир в капкане,

Торжествовали финикийцы.

Царь Александр свите сзади
Приказ дал: Тир заставить сдаться.
Однако остров был к осаде
Готов и выбрал жребий – драться.
И это было их ошибкой:
Огромный македонский флот
Взял курс на крепость в море зыбком,
Чем в Тире всполошил народ.

Пошёл на башни быстрым шагом
Отряд стрелков и копьеносцев.
Царь Азимилк на стенах с флагом
Звал Тир не слушать инородцев,
Что обещали снисхождение
Всем, кто решит за меч не браться,
Просил остановить вторжение
И грекам помешать прорваться.

Летели копья, сталь звенела,
Кипящим маслом жгли суда
Тирийцы с высоты умело,
Но только греки никогда
От замысла не отступали
И снова дерзко шли вперёд.

И вот уж стены Тира пали,
И в крепость был проломлен вход.

Толпой в него зашли эллины
И многих здесь убили сразу.
Вгоняли меч тирийцам в спины,
Чинили зверства по приказу.
И в ярости, границ не зная,
Вершили жёстко самосуды,
По локоть руки окуная
В кровь, что текла рекой повсюду.

За двести дней осады Тира
Ливанский кедр был порублен.
Тирийцы запросили мира,
Но город был уже обуглен,
Разграблен и разрушен дико.
А кедр в виде свай морских
Так и торчит на дне безлико,
Храня дух тех времён лихих.

А Азимилка, как героя,
Царь македонский пощадил,
Своим вниманьем удостоил,
Отметил храбрость, но казнил
Две тысячи других солдат,

Что греков вынудили драться,
Чей смел был непокорный взгляд,
Чья честь не позволяла сдаться.

А вот Бейрут, в сравнение с Тиром,
Могуществом не отличался.
В ветвях олив, в листве инжира
Он тихой жизнью наслаждался,
Пока дамасский Диодот
Сюда с войсками не явился.
Войной закончился поход,
И город в пепел обратился.

Затем в Ливан пришёл Помпей.
Бейрут опять восстал из пепла,
И тысячи спокойных дней
Знать города цвела и крепла.
Когда в Бейрут ступил Тимур,
Он вновь его разграбил сильно,
Содрав с ливанцев десять шкур
Циничных сборов непосильных.

Держала книга парня разум,
Цеплял всецело слог красивый.
Принц прочитал полкниги сразу
И был поистине счастливый,

Что многое сейчас узнал
Из-под пера родного деда,
И взгляд по сторонам бросал
Уже с прищуром краеведа.

Следы жестоких битв веками
Везде накапливались тут:
Мечи ржавеют под камнями,
Вал с рвом, похожий на редут,
Обломки стрел вдоль старых тропок,
С истлевшей бахромою флаг,
Щиты из стали с кучей клёпок
Пробиты, скинуты в овраг.

И даже конские доспехи
Принц здесь увидел у трясин.
Искусно выкованный в цехе
Из металлических пластин,
Был панцирь мощною бронёй
И мог прекрасно защищать.
Однако проигравший бой
Всё снял, чтоб быстро ускакать.

Мишель с телеги прыгнул бодро,
Заметив тюк издалека.
Он был покусан и изодран

Зубами хищников слегка,
Но содержимое, казалось,
Ещё не тронули клыки.
Принц снял бумагу, что осталась,
Одним движением руки.

Там был платок неприхотливый,
Подписан: “Я тебя люблю”.
В нём – ятаган с резьбой красивой,
С клеймом Ахмеда Текелю,
Завёрнут девушкой, похоже,
Чтобы послать как дар мужчине.
Никто сейчас сказать не может,
Как оказался он в лощине.

В те времена был ятаган
Кровавым символом Селима,
Кто был безжалостный султан,
Но вместе с тем — неповторимый.
Он сделал Турцию достойным
Противником любых империй,
Народ свой снарядив на войны
И обрекая на потери.

Османь в войнах тех упорно
Искали слабые места

Ливанской власти, чтоб покорной
Она была. И неспроста
Тянули турки руки к трону,
Где восседал седой эмир.
Им нужно было грузов тонны
Гнать здесь через Бейрут и Тир.

Бейрут расценивался всеми
Тогда как мощные ворота
В торгово-рыночной системе,
Ещё и с современным флотом.
Он был способен привечать
Оазисами и уютом
Несметную торговцев рать,
Где каждый – с кошельком раздутым.

Узбеки, русские, таджики –
Везли сюда свои товары.
Прекрасный город был на стыке
Времён – как новых, так и старых.
А морю были нипочём
Вообще любые перемены.
Оно лишь шевелилось дном
И ввысь выбрасывало пену.

И за год золота, камней

Красивых, редких, драгоценных,
Одежды дивной и вещей,
Чудесных, новых, совершенных,
Картин на стены и еды
Любой, приятнейшей и вкусной,
Тут было больше, чем воды
Во всех прудах красивых, грустных.

Вот потому несла к Ливану
Галеры с турками волна,
Чтоб все верблюжьи караваны
Дань отдавали им сполна,
Что путь свой держат из Пекина,
Аксу, Кашгара, Ферганы
Через пески и по долинам
Под светом Солнца и Луны.

Три силы были на Востоке
Определяющим звеном:
Мамлюкский султанат, чьи соки
Подпитывал кавказский дом:
Грузины, нахи и черкесы,
Аланов грозные отряды,
С умом и силой Геркулеса,
С не ведающим страха взглядом.

Прекрасно сложенные нахи
С гор возле Терека и Сунжи
С суровым нравом и в папах
Из длинной шерсти, чьё оружие –
Восточный клыч и острый нож,
В толпе мамлюков выделялись,
Их образ был с другим не схож,
Они всегда сплочённо дрались.

Их вождь был дедом Ших-Мурзы –
В веках прославленного бабччи,
Чей меч, как молния грозы,
Сверкал, а сам, груди не пряча,
Он бой не завершал, пока,
В том месте, где он делал шаг,
Врага последняя рука
Не поднимала белый флаг.

Султан мамлюков Туман-бей
На нахов очень полагался.
И из кавказских областей
Их звал, и с честью обращался,
Всегда достойно принимал
И размещал в тибакх новых.
Глава Египта, мудрый, знал:
Нах – воин совести и слова.

Вторая сила – это турки:
Веками грозные османы.
Они предпочитали буркам
Расшитые лале кафтаны.
А третьей силой был Иран –
Страна великих Сефевидов.
И всех притягивал Ливан
С чудесным панорамным видом.

Империя росла так быстро,
Что даже персов потеснила.
Селим своих артиллеристов
Считал за основную силу,
Которые могли мгновенно
Разбить войска любой державы,
И так – любой их день военный
Солдатам приносил лишь славу.

Османы всюду шли небрежно
Своею поступью кровавой,
И даже на море безбрежном
Селим судам чинил расправу –
И португальским, и испанским,
Чтоб враг был смят, склонился, сдался,
И только флаг его султанский

На мачтах гордо развевался.

Принц завернул меч аккуратно.
Он брать чужое не приучен
И бросил вниз, в овраг, обратно,
Назвав особым этот случай,
Который дал возможность тронуть
Клинок из лучшего булата,
Что стал бесспорным эталоном
В суждениях каждого солдата.

Когда Мишель был очень юным,
В Ливане бунт произошёл,
И с топорами, ночью лунной,
Народ на штурм дворца пошёл.
Там было тысяч пять, наверно,
Отчаянных бунтовщиков
И прибывших в Ливан военных —
Пятьсот османов-моряков.

Их путь в Аланье брал начало,
Гребли уставшие дня два.
У неглубокого причала
Их судно не легло едва
На мель в ста метрах от Бейрута,
И только опыт капитана,

Что уже плавал по маршруту,
Спас всю команду от капкана.

Османам ставилась задача –
Взять бунтарей под свой контроль.
Огромный был ресурс затрачен
Турецкой знатю, только ноль
Им пользы высадка десанта
Тогда в Ливане принесла:
Дружина Фахра оккупантам
Ущерб серьёзный нанесла.

Османы были сильно биты,
Как только спрыгнули с галеры.
Отряд береговой защиты
Им первым трудным стал барьером.
Лиан повёл солдат эмира
Фалангой сокрушить врага,
Чтоб сразу запросили мира
Те, кто сошёл на берега.

Но непокорные османы
Влетели всё же во дворец,
И принц запомнил ятаганы,
Что призваны вершить конец
Всему живому в славном доме.

Но он, услышав сабель звон,
Не ждал, пока его надломают,
А сразу спрятался за трон.

А трон был мощный, деревянный,
И сзади дверца в спинке есть.
Там ниша, и вот – как ни странно –
Мишель сумел туда залезть.
Османы дверь открыть пытались,
А после просто подожгли,
Но здесь отец и дед ворвались
И принца из огня спасли.

Мишель, хоть был ещё ребёнком,
Держался стойко, как мужчина,
А рядом сталь звенела звонко,
Летели вниз со стен картины.
Кувшины падали на пол,
Осколки разлетались всюду.
Лиан в бою залез на стол,
В османов став метать посуду.

В ответ же полетели стрелы,
Одна из них Лиану в грудь
Неслась, но он ударом смелым
И быстрым преградил ей путь.

Стрела, разрубленная вдвое
Острейшим лезвием меча, –
Событие не рядовое,
Нужна сноровка бить с плеча.

Османы стол перевернули,
И рухнул на ковёр Лиан,
И чуть уж было не воткнули
В него копьё и ятаган
Два смелых воина султана,
Турецким посланных пашой,
Но у ливанца под кафтаном
Был лист железа небольшой.

Железный лист, изящный, тонкий,
Довольно крепок – не пробить,
Висел на лямках, не был ёмким,
Мог и стрелу остановить.
И потому османы сходу
Убить Лиана не смогли.
Вскочив, он дал мечу свободу,
И реки крови потекли.

Один захватчик с ятаганом
Владел оружием своим
Так ловко и так филигранно,

Что был почти неуязвим.
Лиан сначала растерялся:
Осман был явно тренирован,
И потому слегка замялся
И даже отступил к балкону.

И тот балкон стал местом боя,
Где сам Лиан чуть не погиб.
Свой натиск там осман удвоил,
Стараясь повредить изгиб
Руки Лиана возле локтя,
И ранил, кровь заставив течь, —
Обрушил прут с железным когтем
На руку, что держала меч.

Потом нанёс удар с размаху
По шлему враг, но промахнулся:
Лиан ведь голову на плаху
Класть не хотел и увернулся.
Он сильно отпихнул османа —
Ногою в грудь попасть сумел,
И воин вместе с ятаганом
Через перила полетел.

И так летел он десять метров
В бассейн с высокого балкона:

Сначала рухнул в ветки кедра,
Не нанеся себе урона,
А после же скатился в воду,
Откуда робкий бросил взгляд,
Как будто изучал погоду,
Хотя спасению был рад.

Лиан махнул ему рукою
С намёком, чтобы плыл домой.
Осман кивнул, ведь он усвоил,
Чем может завершиться бой.
На траву вылез, отряхнулся
И воду вылил из сапог,
Но только телом разогнулся –
Стрела вонзилась возле ног.

Кто ту стрелу послал – не важно
Для турка было в тот момент.
Хоть воин яркий и отважный
Считался он, но аргумент
Весомый был, чтобы понять:
У лучника он на ладони,
И нужно тут же убегать –
Так намекнули на балконе.

И побежал осман: что делать?

Оставил щит и ятаган,
Припомнив день, когда он смело
Вступил в отряд, чтоб плыть в Ливан.
Теперь не смелость им здесь движет,
Сейчас все мысли лишь о том,
Чтоб, голову пригнув пониже,
Отплыть назад в родной свой дом.

На берегу едва успел он
Забраться ловко на галеру,
Где сотня беглецов сидела,
Что по приказу офицеров
Вцепилась в вёсла, чтоб грести,
Но тут ещё бойцы несутся –
Спешат, чтоб ноги унести,
Домой без почестей вернуться.

Забрав ещё сто человек,
Галера в море вышла быстро.
Бойцов трясёт, как будто снег
Им бросили на спины чистый.
Но то – не снег, а страх бескрайний,
Ведь каждый, кто с веслом сидит,
Остался целым лишь случайно
И по везенью не убит.

И поплыла галера прочь,
Гребли настойчиво солдаты.
Пока не наступила ночь,
Хотелось им удрать куда-то
Сейчас подальше от Бейрута,
Что повстречал не хлебом-солью,
А бой дал тяжелейший, лютый,
Их шлемы раскидав по полю.

Эмир охране дал приказ:
“Дворец к утру освободить!”
Но слуги справились за час,
Сумев врага остановить.
Лиан последнего османа
Сам лично выставил за двери.
Сбежали турки из Ливана,
Большие понесся потери.

Остался сброд бунтовщиков,
Что лезли через стены дружно,
Но их казнить был не готов
Эмир, отметив, что не нужно
Гневить народ его же кровью,
И потому гонцов послал
С письмом, написанным с любовью, —
В нём помириться пожелал.

Мгновенно люди отозвались.
Эмиру принесли пакет,
Где два рисунка оказались:
Дом у реки и горсть монет.
Неграмотные бунтари
Условия нарисовали –
Строительство, где пустыри,
Чтоб власти организовали.

– А что тогда монеты значат? –
Эмир задал гонцам вопрос.
– Изъять казну хотят, иначе
Они толпой пойдут на снос
Дворца и всё кругом сожгут,
И деньги всё равно отнимут.
Подумать час всего дают,
А после снова штурм предпримут.

Эмир велел совет военный
В большую залу пригласить,
Где полностью глухие стены,
И начал тихо говорить:
– Народ восстал, что делать станем?
Они хотят ограбить нас
И станцевать среди развалин.

Ответ дать надо через час.

Солдаты лучшие Ливана
Уселись за большим столом.
У всех на теле шрамы, раны –
Любой из них владел мечом
Искусно и соизмеримо
Бойцам отважным тех времён,
И мог стоять несокрушимо,
Хоть против ста повстанцев он.

– Абдулгани, великий воин!
Ты командир всех войск моих
И слова первого достоин.
Как нам утихомирить их?
– Эмир великий, Фахр эд-Дин,
Бунтовщиков пять тысяч там.
Да я уверен, что один
Их всех отправлю по домам.

Один лишь полк введу я в бой,
Толпу как сено раскидаем.
– Абдулгани, товарищ мой,
Ты доблестный боец, я знаю,
Но как без крови обойтись?
– Такой мне метод не знаком.

Ты к Шамсуддину обратись
И с ним поговори о том.

Другие витязи эмира
Кивнули тоже головой.
Когда страна искала мира,
То мудрый Шамсуддин порой
Давал прекрасные советы.
Эмир послал за ним слугу,
А сам, в халат переодетый,
Потёр разбитую скулу.

Эмир не пропускал сражений,
Не прятался вдали от них,
Наоборот, с особым рвением
Бросался на врагов своих,
Чтоб доблестью зажечь солдат
И напугать врага напором,
Что тоже был не простоват
И не бежал в бою суровом.

И потому эмир имел
И ссадины, и также раны,
Но он бояться не умел,
И это выглядело странно.
Бывало, кровью истекал,

Но всё равно смеялся даже.
Вот так и уважаем стал
У войск своих – бойцов отважных.

Зашёл в зал мудрый Шамсуддин:

– Эмир, война всегда кровава,

Но кто из нынешних мужчин

В сражении не жаждет славы?

Что выдвинули бунтари?

– Хотят казну опустошить.

– Ты слово в слово говори!

– Дворец грозятся сокрушить.

– Казну разграбить дать нельзя, –

Воскликнул мудрый Шамсуддин. –

Она, по сути, не твоя,

Хозяин у неё один –

Ливанский храбрый наш народ.

Отдать – как кровь пустить из вен.

Об этом должен думать тот,

Кто шантажирует у стен.

– Ну что ж, придётся усмирять,

Другого варианта нет.

Абдулгани, заставь дрожать

Бунтовщиков и скрой их след

Песком из моря привезённым.
Лиан – ты доблестный солдат,
Спрячь принца в комнате укромной
И защитить приставь отряд.

Но что такое? Град камней
Усыпал двор перед дворцом
Из рук непрошенных гостей.
Принц с мамой, с дедом и отцом
Наружу выбежали сразу,
А за стеной идут бои.
Повстанцы, будто по приказу,
Летят, достав клинки свои.

Лиан взял в руку острый меч
И кинулся врагам навстречу.
Абдулгани колчан снял с плеч
И полетел вперёд, как кречет.
Он вынул на ходу стрелу
И цель наметил, чтоб стрелять,
А за стеной дворца, в углу,
Народ стал кладку разрушать.

Сначала молот в ход пускали,
Искали трещины в камнях.
Когда нашли, в неё бить стали

Бревном, держа его в руках.
Другие вверх полезли сами
По лестницам и там и тут.
Принц боязно прижался к маме
Найти защиту и уют.

Навал бунтовщиков был жёстким —
Они напали на пять слуг
В сарае у ворот, где доски
Ночлегом стали для гадюк.
Там слуги спрятаться хотели,
Но, змей заметив, заметались,
Однако выйти не успели:
В сарай изменники ворвались.

И этот запах первой крови,
Как спичка, подпалил задор
В умах у нищего сословья.
Убийцы вышли на простор
Из окровавленного сруба,
Чтоб сабли вытереть о траву,
Но их Сапсан окликнул грубо,
Здесь став свидетелем расправы.

Сапсан — охранник был из свиты,
Гвардеец лучший у эмира.

Он знал всех пятерых убитых,
Что также были конвоиры
И подчинялись ему лично,
И он за них в ответе вечном
И в своих думах, и публично,
И перед семьями, конечно.

И он с чеканным палашом
Пошёл вперёд без сожаленья
И стал рубить перед дворцом
Тех, кто виновен в преступленье.
Их было шесть на одного —
Бродяг, бунтовщиков кровавых.
Он не оставил никого,
И сам в крови упал в канаву.

Очнулся от толчка в ручье
И через миг с зажатой раной
Он оказался на плече
У вездесущего Лиана.
Под градом стрел Лиан тащил
Солдата на себе к двери,
И сразу же её закрыл
Засовом быстро изнутри.

Потом к камину поволок

Лиан Сапсана на спине,
Где рану рваную прижёт
Кувшином, накалив в огне.
Боец же в это время плетъ
Сжимал зубами очень рьяно,
Пока пылающая медь
Обеззараживала рану.

Бунт становился всё сильнее.
Толпа, обрушив полстены,
Решила, что зайти сумеет,
Но были быстро сметены
Кто шёл вперёд особо смело.
Эмир команду дал стрелять
Из двух орудий солью белой,
Чтобы повстанцев напугать.

Сработала задумка эта:
Бунтовщики, отхлынув прочь,
Зачинщиками подогреты,
Второй удар решили в ночь
Эмиру нанести внезапно,
Пускай и лестниц не хватало,
Чтоб сразу нападать масштабно,
Да и народа было мало.

И вдруг к ним подошла подмога –
Ещё полтысячи людей,
А рядом, перекрыв дорогу,
Толпа отчаянных парней
Ждала солдат, каких помчался
Тревожно звать Абдулгани.
Отряд юнцов не волновался –
Для битвы строились они.

Но что за битва без мечей,
Без лат и даже без кольчуги,
Без быстрых боевых коней
С седлом, притянутым подпругой?
Здесь только часть бойцов имела
Щиты и сабли. В основном
Толпа лишь палками владела,
А кто-то – кухонным ножом.

Дворец бунтовщики не взяли.
Дав сокрушительный отпор,
Их слуги от ворот прогнали.
Сперва освободили двор,
Потом мечи и копья в поле
Направили на бунтарей,
И испугался поневоле
Народ сам наглости своей.

Полки эмира по лесам
Как раз к той битве подоспели.
Эмир приказ им лично сам
Отдал, чтобы людей жалели.
Всех главарей арестовали,
Кто убивал – того в острог.
Кого-то плетью отхлестали,
Да так, что шёл и падал с ног.

Дворец был разорён прилично,
Посуды много перебили,
Причём и свежей, и античной.
Там даже гирей в стены били
Из золота в одной из комнат.
Не знали, как забрать с собой, –
Так и остался краем согнут
Кусок панели золотой.

Был Фахр эд-Дин расстроен очень,
Что двух портретов не нашлось,
И стол был древний раскурочен,
Куда Лиану встать пришлось,
Запрыгнув с ловкостью пантеры
От напирających османов,
Зато не тронуты портьеры

С гербами славного Ливана.

Эмир к войскам пошёл неспешно,
Он поблагодарил солдат
И сделал пир весьма потешный,
Чему дворец был очень рад,
Ведь осознала вся прислуга:
Ворвись бунтовщики в их дом,
Всё пропахали бы, как плугом,
Не уберёшь за день потом.

Мать громко принца позвала
И, крепко сжав в своих объятьях,
Сейчас лишь только поняла,
Как здесь народ не любит знати,
Однако храбрость Фахр эд-Дина,
А также смелого Лиана,
Что в битве сберегли ей сына,
Она хвалила неустанно.

Через неделю после бучи
Эмир собрал народ на встречу.
Он не хотел, чтоб этот случай
С людьми стал ссорой бесконечной.
Глава Ливана объяснил,
Что бунт здесь цель имел одну —

Лишить народ Ливана сил,
Забрав народную казну.

– Вот потому и на галере
Османы по морю приплыли,
Но сразу же и в полной мере
Отпор достойный получили.
На их поддержку полагались
Бунтовщики с ожесточением,
И стрелы ими применялись,
Как раз с турецким опереньем.

А что касается домов
Обещанных – их строить станем.
Исполнить просьбу я готов,
С которой обратились в стане,
Куда я посылал гонцов,
Чтобы вести переговоры.
Во имя наших всех отцов –
Забудем прежние раздоры!

Казна нам для того нужна,
Я говорю вам без лукавства,
Чтоб каждый чувствовал – нежна
О нём забота государства.
Величие Ливана в том,

Что мы едины и сплочённые,
И мы не отдадим наш дом
Врагам, войною увлечённым.

Народ эмира поддержал,
И вот уже пустырь весь в сваях.
Мишель подрос и понимал,
Что дед здесь власть не потеряет.
Эмир умеет говорить
О том, что все желали слушать.
Таких вождей не победить
Ни в синем море, ни на суше.

Впоследствии Ливан не знал
Подобных бунтов, столь кровавых.
Пока эмир им управлял,
В почёте были честь и право.
Все были сыты и одеты,
Свободны делать, что желали,
В казну рекой текли монеты,
Что сразу в оборот пускали.

Не только лишь морской торговлей
Отныне славилась страна.
Дома большие с крепкой кровлей
Для нищих строились сполна.

Поля возделывались с рожью
И сеялась пшеница рядом,
Власть стала относиться строже
К мошенникам и казнокрадам.

Мишель подрос, но помнил детство
И трон, где прятался от стрел.
Его никто не сдвинул с места,
Принц это лично не хотел,
Но влезть сейчас за спинкой в нишу,
Которая его спасла,
У принца ни за что б не вышло —
Для взрослого она мала.

А рядом с троном на стене
Висит оружие османов,
Довольно грозное вполне:
Ножи, мечи и ятаганы.
Эмир к ним подводил гостей,
Показывая силу стали,
И даже опытных людей
Клинки реально изумляли.

А вот османам этот бой
Вообще пришёлся не по нраву.
Поход затратный и пустой

Им не принёс желанной славы,
И только власть забрал Селим,
Он смог в Диване настоять,
Чтоб давний план был нерушим –
Ливан османским должен стать.

Да только смельчаков-ливанцев
Угрозы вовсе не смущали.
Османских всех они посланцев
Домой с ответом отправляли,
Где ясно сказано: свободной
Страна останется всегда,
С врагом справляясь превосходно,
Кто хочет взять их города.

ГЛАВА III

Хрустят обломки пней замшелых,
Колёса режут колею.
Внезапно сбоку порыжело,
Принц присмотрелся – там клюют
Пять-шесть песчаных куропадок
В сосновых шишках семена,
Да нет, похоже, их – десяток,
И все довольные сполна.

Шакал бежит к ним осторожно,
С красивой шкурой золотистой.
Казалось птицам невозможно
Спасться, но тут взмывает быстро
Вожак, и, рухнув в гравий пыльный,
Изображает, что волочит
Крыло, поломанное сильно, –
На деле голову морочит.

Но нет, шакал уловки знает,
Его не проведёшь – прыжками
Долину он пересекает,
Чтоб хитрых птиц схватить клыками.
Только и выводок уже
Навстречу хищнику метнулся
И, пролетев на вираже,

Вблизи, как брызги, расплеснулся.

Зверь вздрогнул, головой мотнул,
А после к принцу устремился,
Но в бой вступить с ним не рискнул –
Наш принц мгновенно распрямился,
Чтобы казаться выше ростом.
Для одинокого шакала
Закончился спектакль просто –
Он побежал лениво к скалам.

А принц вздохнул и под навесом
Решил немного полежать.
Ослы уже свернули к лесу,
Где точно не придётся спать,
Ведь там невысказано зверья
Сидит и ждёт в прохладных рощах,
Усами тихо шевеля,
Того, с кем справиться им проще.

Глаза, глядящие с опаской,
Мелькают за любым стволом:
Барсук, куница, перевязка,
Мангуст египетский с хвостом,
Что зверю служит балансиrom –
При бегстве или же в погоне

Он машет им с огромной силой,
Чтоб темп взять нужный при разгоне.

Опасно скрипнуло внизу,
Какой-то камень раскололся,
А может, обод смял лозу,
И её стебель разошёлся
На две тугие хворостинки,
Издав при этом хлёсткий звук.
Хлопок подобный не в новинку
Тем, кто съезжал в канаву вдруг.

Принц прыгнул, осмотрел телегу,
Потрогал ступицы рукой –
Таким не страшен дождь со снегом,
Их делал мастер непростой,
С руками явно золотыми:
Все спицы – с вяза, обода
Кругом с оковками стальными,
Что держат зной и холода.

Так что же здесь стрельнуло звонко?
Теперь уже не угадать.
Мишель нашёл лишь коготь тонкий,
Но кто его смог потерять?
Шатун, арабская волчица?

И он ли под ногами хрустнул?
А может, хищный сыч резвится?
И стало принцу очень грустно.

Ещё вчера он в полной мере
Был уважаемым в Ливане.
Сейчас же на его примере
Всем тем, кого болтаться манит
Без дела по ночной столице,
Расскажут про него с укором.
Хотя чего ему кориться –
Ведь он лишь жертва наговора.

Он добрый и с людьми улыбчив.
Ну да, он любит погулять...
Но это кто как восприимчив
К старинным правилам, что знать
Сидеть в тавернах не должна!
Конечно, многие находят,
Что дерзкий принц нырнул до дна –
Но он в тавернах скромен вроде.

В песке и глине вся дорога,
Но и грибов полно кругом.
Ещё базальта очень много –
Здесь вулканический разлом,

Наверное, был очень древний,
Вот и остались камни эти,
И ни одной вблизи деревни
Не появилось за столетья.

А это значит, ни водой,
Ни хлебом запастись не сможет
Тот, кто пошёл дорогой той,
Но принц нисколько не встревожен,
Ведь он везёт с собой запасы,
Их хватит здесь на пару дней,
Так что особо не опасно
Ему здесь ехать меж камней.

А впереди по курсу горы,
И сбоку горы, их массив
Имеет общую опору
И потрясающе красив.
Маквис, фригана, дуб зелёный,
Ещё алеппская сосна
И небольшие группы клёнов
Растут в любые времена.

Мишель достал из сумки сфиху
И откусил большой кусок,
И стал жевать довольно тихо,

Прикинув быстро на глазок,
Насколько та лепёшка сможет
Ему в пути добавить сил.
Он, как любой из молодёжи,
За весом тщательно следил.

А так как он держался в форме –
За это нравился девчонкам.
Принц не был щуплым, как при шторме
Повисший парус в море громком.
Чтоб вес соотносился с ростом,
Он часто бегал утром в лес,
К тому же, под рубашкой пёстрой
Имел он кубиками пресс.

Вообще, в Ливане в ту эпоху
Гордиться силой было нужно –
Так проще в дикой суматохе
Всем доказать, что ты наружно
Подходишь для любых работ:
Хоть моряком, хоть для бондарни,
И потому здесь целый год
Тренировали мышцы парни.

Повсюду рыскали солдаты,
Искали тех, кто был готов

С мечами, в наручах и латах
Приказы исполнять без слов
В рядах передовых отрядов,
С каких и начинался бой,
И кто потом на всех парадах
Трофеи нёс перед собой.

Боеспособность войск в Ливане
Была тогда на высоте.
Здесь не тянули на аркане
Тех, кто в солдаты не хотел.
Насилие не применяли,
Не принуждали никогда –
Того на службу забирали,
Кто шёл осознанно туда.

Войн в ту эпоху было много,
Османы сильно досаждали,
И надо было очень строго
Следить, чтоб слух не разгоняли
Агенты Порты об их мощи
И битвах, выигранных ими, –
Так подготовить было проще
Народ для столкновенья с ними.

Но слухи всё же распускали

Коварные враги державы –
Повсюду гражданам внушали
Сомнения и лжи отраву,
Что выгодна была османам,
Желающим в страну прийти,
Чтоб растоптать гербы Ливана
И свой порядок навести.

Поэтому эмир и звал
Людей помладше, помоложе
И им учиться предлагал
Профессиям, военным схожим,
Как во всех армиях других:
Стрелять из аркебуз, мушкетов,
Из пушек также заводских,
Да и из новых пистолетов.

Набор был и в разведку тоже –
Власть привлекала следопытов,
А вот для штаба писарь должен
Знать строго буквы алфавита.
Хотя от Библа и до Тира
Читать умели горожане,
Ведь первым алфавитом в мире
Стал тот, что выдуман в Ливане.

Бойцов искали и в охрану
Для личной гвардии эмира
Взамен отважных ветеранов,
Которых отпускали с миром,
Давая всё, что пожелают,
В знак благодарности за службу,
И после, опыт уважая,
Эмир не предавал их дружбу.

– Ценю я преданность от вас! –
Эмир сказал солдатам старым. –
И всех оставил бы сейчас,
Но служба стала вам кошмаром.
Подъём с утра для тренировки –
Удел, бесспорно, молодых,
По дому бегающих ловко,
Быстрее псов сторожевых.

– Эмир, мы это понимаем! –
Склоняли головы солдаты. –
И без вопросов выполняем
Приказ свои отдать ребятам
Кольчуги, шлемы и мечи.
Они теперь твоя охрана!
А мы пошли гонять мячи
Толпою на лесных полянах.

И в то же время, кто постарше
Совсем здесь службу не бросали.
Ходить юнцов учили маршем,
Железо отличать от стали,
Ещё передавали опыт
На море в управление судном.
Везде сапог их слышен топот –
Ведь обучать для них не трудно.

И в кавалерию ребят
Повсюду также набирали.
Динары получал солдат,
Что в пальцах золотом сверкали, –
Но это, если отличились,
А так – дирхамы и фулусы.
Они оплатой становились
За съём домов и перекусы.

И кони тут любые есть:
Арабы и ахалтекинцы,
Которых попросту не счесть.
Монгольский конь стоит, лоснится.
Боснийский славный жеребец
Был привезён издалека,
Ну и ещё скакун-боец –

Перс, что прославлен на века.

Для обучения сноровке
Держаться крепко на коне
И управлению им ловко
В движенье при прямой спине, –
Повсюду школы открывали,
И развивали их стабильно,
Где, параллельно, обучали
Ещё и фурусии стильной.

В Ливане и в ближайших странах
Название коня – фарас.
И вот во всех сраженьях рьяных,
Где враг дерётся без прикрас,
А жёстко и всегда жестоко, –
Цениться стала джигитовка,
И бой ещё с мечом с наскоком,
Что и давала тренировка.

Вот и Мишель джигитовать
Учился для военных целей,
Чтоб на скаку уметь свисать,
Земли касаясь еле-еле.
Свисать учили для того,
Чтоб смог поднять свой меч на поле,

Если в сражении его
Пришлось лишиться поневоле.

Наставником у принца стал
Как раз Сапсан – тот храбрый воин,
Что бунт повстанцев подавлял,
Ещё как командир конвоя.
После восстания он был
Эмиром всячески приближен
И принца быстро научил,
Как с сёдел свешиваться ниже.

– Мишель, следи: как только конь
Стал уши прижимать активно,
В глазах же замелькал огонь,
И смотрит очень агрессивно, –
Он может сильно укусить,
Поранить палец или руку.
Попробуй с ним установить
Контакт, доверие до трюка.

Дай яблока ему кусок,
Погладь по гриве, приласкай,
Потом же смело вставь носок
Ноги в рикаб и залезай
В одно движение в седло,

Сожми колени очень крепко.
Сначала будет тяжело,
Потом держаться станешь цепко.

– А если выкинет меня?
А если сбросит на майдан,
Где, не стесняясь, малышня
Смеяться будет? Как, Сапсан,
Мне справиться с таким позором?
– Так разбери свою ошибку.
Учись по-прежнему с напором,
На смех же отвечай с улыбкой!

Пройдут недели, те же дети
В тебе увидят перемены.
Что ловкий ты – они заметят,
И крепче голени, колена,
И твёрже держат повод руки,
И конь уже послушен чаще,
И получают все трюки,
И взгляд стал смелым и горящим.

– А если я начну на них
Кричать и плетью угрожать,
Чтоб улей наглый их затих,
Или совсем их прочь прогнать?

– Запрещено, Мишель, такое.
Они свободны и должны
Расти без плёток и в покое,
На благо нашей всей страны.

Пройдёт два года, повзрослеют,
И сами станут лезть в седло,
И так, конечно, попотеют,
Узнают, как же тяжело
В седле держаться изначально,
И как легко сидеть потом,
Когда ты двадцать раз отчаяно
Был сброшен на манеж конём.

Не забывал Мишель и танцы:
Предпочитал, конечно, дабку.
Плясал её, как все ливанцы:
Натянет шаровары с шапкой
И под весёлую дарбуку –
Кубкообразный барабан –
Лушит ногами пол со стуком,
Пока не взмокнет весь кафтан.

Красотки в ярких украшениях
Ему ничем не уступали,
И их изящные движенья

Особой грацией пленяли.
И люди повзрослее, тоже
Там пританцовывали мило:
В местах, где много молодёжи,
У каждого в глазах искрило.

Уменье петь ценилось также,
И модно красить стены зданий.
В Бейруте всякий дом свой мажет,
Чтоб выглядел как плод мечтаний.
Принц даже здесь преуспевал:
Палитру так мешал в расцветки,
Что дом гармонией сиял
Цветов притягивающих, цепких.

Но всё же пресс качать сильнее
Мишель любил. Ему казалось,
Что так он выглядит смелее
И с ним девчонок больше зналось.
Он видел на скульптурах древних,
Как дерзко пресс очерчен там,
Поэтому в тиши вечерней
Он пресс подкачивал и сам.

Однажды встретил он Хакима,
Когда гулял в один из дней.

Хаким – приверженец экстрима,
Весёлый укротитель змей.
Друзья с рожденья – одногодки,
И если время позволяло,
Ходили в шторм вдвоём на лодке,
Пока стихия бушевала.

Конечно, риск определённый
В такой забаве точно есть,
Но принц в опасность был влюблённый,
И друг готов в пучину лезть.
Крутило лодку и вертело,
Опасно понесло на скалы,
Но парни в ней держались смело,
Куда б волна их ни кидала.

Веками в Средиземноморье
Внезапный шторм весьма жесток.
Оно – одна из акваторий,
Где натиск шквала так высок,
Что в море корабли, бывало,
Топила буря за мгновенье,
А следом города смывала
Без жалости и сожаленья.

И вот однажды так потрянула

Друзей высокая волна,
Что лодку боком развернуло,
После чего, черпнув сполна,
Она воды с песком на пару,
Едва на дно не погрузилась,
Но, наклонившись от удара
Другой волны, опустошилась.

Два друга запаниковали:
Опять их шторм понёс на скалы,
Которые в воде стояли
Неподалёку от причала.
Кто сможет им помочь на глыбах,
Когда волна на них закинет?
Но лодка, вдруг вильнув, как рыба,
Спаслась чудесно в пене синей.

О глыбах тех легенд немало
Ходило, ходит и сейчас.
Их называют Птичьи скалы
За изумительный окрас –
Из-за огромных поселений
Бездомных сизых голубей,
И к ним набраться впечатлений
Всегда идёт полно людей.

Вода зелёная морская
Обтачивает глыбы эти.
В одной дыра, причём большая,
Куда и устремились дети.
А поодаль – отвесный берег,
Тяжёлый, мощный известняк,
Он скользок и высокомерен,
Залезть не пустит просто так.

И лишь минула лодка скалы,
На берег понеслась вперёд.
Ещё страшней мальчишкам стало,
Когда она, во весь свой ход
Ударилась о землю носом –
Взлетели парни вверх мгновенно,
А рядом сделал с них набросок
Художник радостный, почтенный.

Художник был на берегу,
Нельзя сказать, что беззаботен.
Испытывая нищету,
Искал сюжеты для полотен.
Он ждал давно подобный шквал –
Запечатлеть причуды моря,
А после лодку увидал
В движении на морском просторе.

Нарисовал в своей манере
Он сразу на холсте тот случай:
Истерзанный валами берег,
Огромные сплошные тучи
И лодку, выброшенную морем,
Парней, чуть не разбивших лоб, –
И сразу стоимость утроил
С учётом важности особ.

Рисунок с вдаль летящим принцем
Продался за большую сумму.
Художник на неё гостинцев
Детишкам взял, потом подумал,
Что копии, наверно, тоже
Эстетов заинтересуют,
И целый месяц лез из кожи,
Их сотню угольком рисуя.

А в этот год синьор Да Винчи
Уже доделал Мону Лизу,
И вдруг ползёт слух необычный,
Что стал для мастера сюрпризом:
Один художник из Ливана
Стал покупаем и заметен,
Продав сто копий очень странных

Своей картины в одном цвете.

И, удивлённый, Леонардо,
Задумавшись, пошёл домой,
Зажёг во тьме свечей гирлянду
В своей уютной мастерской,
Закрыв дверь крепко на засов
И, чтобы время не терять,
Соседских набросал котов,
Чтоб те наброски продавать.

Сказал помощнику художник
Беспечным голосом потом:
– Послушай, это купят, может.
Зайди в любой красивый дом,
В приюты королей, султанов,
Скажи всем, что через века
Рисунки эти в мире станут
Шедеврами наверняка!

И так и получилось точно:
Наброски мастера Да Винчи
Повсюду занимают прочно
С неповторимостью величья
Места престижные в тех залах,
Что лишь шедеврами пестреют,

И к ним внимания немало
Приковано в тех галереях.

Так вот, когда Мишель с Хакимом
Нежданно встретились опять,
Не смог пройти вельможа мимо,
Коль шанс задался поболтать.
Хаким, раздетый, загорелый,
Согодку абсолютно рад.
В одной руке был персик спелый,
В другой – зелёный виноград.

Принц вежливо взял угощения,
Слегка пожал Хакиму руку,
Обнял за плечи с уважением
И персик стал жевать без звука.
Недолгим было то затишье
При встрече дорогих друзей,
Ведь под ногами у мальчишек
В клубочке грелись восемь змей.

К Хакиму змеи относились
Весьма спокойно, без вражды,
Как будто воле подчинились
В обмен на чашечку еды.
Здесь даже был питон огромный,

Свернувшись кольцами, дремал.
И вот вопрос весьма нескромный
Хаким ровеснику задал.

– Мишель, кафтан твой без застёжек,
Чтоб показать девчонкам мышцы.
А вот удар по прессу сможешь
Сдержатъ, чтоб наземь не свалиться?
– Хаким, хоть силой впечатляешь,
Но даже ты в приливе гнева
Лишь только руку поломаешь –
Мой пресс намного крепче дерева!

Принц распахнул кафтан хвастливо
И торс свой голый показал.
Хаким в ответ кивнул учтиво,
Но сам вельможу бить не стал.
Тихонько в хвост толкнул питона –
Тот резко голову поднял
И принцу сразу, без разгона,
Под рёбра голову вогнал.

Удар был столь коварно быстрый,
Что принц, как мячик, отлетел
И рухнул набок неказисто,
Но встать на ноги сам сумел.

И так стоял он полминуты
Вдали, как знак вопроса, согнут.
Зато с тех пор он по Бейруту
Ходил, на все крючки застёгнут.

Мишель досадно улыбнулся,
Когда припомнил случай этот.
Он на телеге потянулся
И, той историей согретый,
Стал вспоминать другие тоже:
Про детство и своих друзей,
Имея замысел, похоже,
Дорогу сделать веселей.

Был случай: как-то в порт Ливана
Зашли испанские суда.
Не слишком близко – что и странно,
Ведь им глубокая вода
Свободно позволяла это.
А после дали залп из пушек,
И за борт бросился одетый
Мальчишка в направлении к суше.

Что это было? Он в изгнание
Сюда отправлен капитаном?
А может, просто по желанию

Решил добраться до Ливана?
Но развернулись корабли,
Второй залп дали из орудий,
А парню тут же помогли
Подплывшие на лодке люди.

Сбежались патрули, солдаты,
Арестовали иностранца,
Что каждого из них звал братом,
Себя же называл голландцем.
Он заявил, что он бунтует
Против раздробленности мира
И что границ не существует,
Потом потребовал эмира.

Упрямый, наглый и забавный,
Он не боялся патруля,
Плыл, не снимая шляпы странной,
Весь путь сюда от корабля.
Сейчас же, мокрый и счастливый,
Болтал безудержно с любимым,
Казалось, не растратив силы
В борьбе с течением морским.

– Что значит – нет границ на свете? –
Спросили у него солдаты.

Голландец дал всем по монете,
Со лба откинув чуб лохматый:
– Пиастр испанский, если нужно,
В карман его себе кладите.
Прекрасно! А теперь вот дружно:
Зачем вы взяли, объясните?

– Так он серебряный, а значит,
Он будет нам в семье довесок.
– Вот так везде весь мир судачит, –
Воскликнул умный гость неместный. –
Всё здесь даровано нам всем
Подарком свыше, каждый знает.
А если так, тогда зачем
Границы страны разделяют?

Пусть разные изображения
На ваших и моих деньгах,
Металл один мы с вами ценим,
У всех пять пальцев на руках.
Так почему мы делим земли?
Зачем сражаемся за них?
Такой путь явно неприемлем –
Стирать в пыль города за миг.

Мы вольны направлять свой шаг

Куда хотим, ведь так же, вроде?
Но за границей часто страх
Приходит к нам и не уходит.
Мы ждём подвоха от людей,
Что не хотят в нас видеть равных.
Для них мы – в статусе гостей
Страны другой, чужой, бесславной.

Задумались слегка солдаты
И повели голландца в город,
И он, касаясь мха халатом,
Вёл по дороге с ними споры.
Он гордо показал всем книгу,
Что сам Коперник написал,
В которой раскрывал энигмы
И о Вселенной рассуждал.

По-новому там объяснялось
Движенье Солнца и Луны:
Луна вокруг Земли вращалась,
Чем были все удивлены.
Земля же делала вращенье
Вокруг оси и Солнца тоже, –
То есть планеты, без сомненья,
Друг с другом связаны, похоже.

Солдаты сильно восхитились,
Ведь их учили, что в пространстве
Земля вообще не шевелилась,
Была навечно в постоянстве.
Вокруг неё же по орбитам
Крутились звёзды и планеты —
Так говорил всем знаменитый
Сам Птолемей в Египте где-то.

— По миру много сказок бродит! —
Они сказали иностранцу. —
Но приживутся ли в народе
Здесь те, что нравятся голландцам?
Ведь, если бы Земля вращалась,
Кто мог бы в море окунуться?
Вода б оттуда выливалась,
Как с перевернутого блюда.

— Вода и суша — неделимы! —
Так в книге написал учёный,
И потому всё объяснимо:
Возьмите пирожок печёный,
В который вкачан жидкий мёд.
Вертите его, как хотите,
Мёд сдавлен и не утечёт.
Теперь на небо посмотрите —

Оно на море давит массой
И не даёт ему утечь
Отсюда в звёздное пространство.
Другой пример – достаньте меч
И вытяните руку прямо,
И вы почувствуете все,
Как небо вынудит упрямо
Клинок вас опустить к земле.

На встрече же с главой Ливана
Гость выступал против расизма
И защищал довольно рьяно
Идеи космополитизма.
Их суть – что страны всего мира
Должны стать общей семьёй,
А всех вождей, царей, эмиров
Гнать надо из дворцов долой.

Эмир держался в споре твёрдо.
На все нападки иностранца
Он, плечи, расправляя гордо,
Предпочитал лишь улыбаться.
Но мальчик был весьма настойчив –
Подвижный, смелый и курносый,
Необычайно разговорчив,

Он ждал ответов на вопросы.

– Так нужен ли эмир Ливану? –
Скажите, Фахр эд-Дин, мой друг.
– Скажу, скажу вам, друг незванный:
Народ, по сути, – многорук,
И если нас попросят люди
Пустить их к управлению судном,
Такое судно в море будет
Вертеться лишь сиюминутно.

Отсюда следует – держать
Курс судна надо в две руки.
Ливан мне может доверять,
Как Цезарю – свои полки.
Я не веду их на захват
Чужих, неведомых земель
И не меняю стран уклад
Под нашу личную модель.

Я сохраняю здесь культуру,
Традиции людей ценю,
Я не ласкаю свою шкуру,
Ведь люди видят цель мою:
Ливан счастливым сделать, сильным,
Чтоб все имели дом, достаток,

Запас еды весьма обильный,
Да и одежду без заплаток.

– Все эти ваши оправдания
Удобны только лично вам, –
Гость жёстко шёл на пререканья,
При этом понимая сам,
Что вряд ли Фахр эд-Дин захочет
Сменить позицию свою –
Быстрее в острог его заточат
Иль стражники убьют в бою.

Но всё равно решил голландец
В лицо эмиру всё сказать,
И не стеснялся иностранец
Мощь своих знаний показать.
Учился он в университете,
И там в нём и раздули пыл
Быть храбрым и прямым на свете
И спорить, не жалея сил.

– Вы присмотритесь: руки, ноги
У всех нас схожи, капля в каплю, –
Сказал голландец с видом строгим
И, не боясь смотреть на сабли
Солдат, что ждали указаний

Заткнуть оппозиционера. –
А если схожи, моё мнение –
Что мы друг другу братья в целом.

Эмир в ответ лишь рассмеялся
И дерзость мальчику простил.
Сказал, чтоб парень наслаждался
Гостеприимством, и просил
Привить учение о братстве
Мишелю, что вблизи стоял,
Который, кроме тунеядства,
Других учений и не знал.

Голландец принялся за дело
И начал обработку принца,
Но принц отмахивался смело,
Отстаивая личный принцип:
Что, если все снести границы,
То смешивание всё размажет,
Сотрёт отличия и в лицах,
И в жестах, и в одежде даже.

Но и голландец не сдавался,
Он был настырный до того,
Что принц почти не сомневался,
Что с судна выгнали его,

Наверно, потому что очень
Он всех на корабле достал.
Голландец же в ответ хохочет,
Но говорить не уставал:

– Зато мы станем на планете
Держать свой путь, куда желаем,
И сумки не начнёт в карете
Обыскивать, не уважая
Нас, обнаглевший пограничник
И деньги требовать за въезд,
Разворошив всё неприлично
Во всех углах, куда залез.

– Скажи, а ты вообще фехтуешь?
Умеешь драться на мечах?
– Ты странно темы чередуешь...
Ну да, умею, ведь в краях,
Откуда я, – там все умеют,
Мы все вояки и матросы,
Но мои щёки розовеют:
Что за подвох сейчас в вопросах?

– Так ты же вроде бы за братство,
А сам не упускаешь случай
Похвастаться, что нет препятствий

В стране твоей, весьма могучей,
Солдатом стать! Так может, нужно
Тебе сперва добиться там,
Чтоб люди были безоружны,
А уж потом являться к нам?

– Там бесполезно, там Европа,
Дремучий мир, где для народа
Уже натоптаны все тропы,
И им давно внушают сроду
Другие мысли, что границы
Должны незыблемо держаться,
Не прогибаться, не крениться,
Ну, если только расширяться.

– Забавно! – вслух Мишель сказал,
С голландцем встречу вспоминая. –
Так много нового узнал,
В беседах мир с ним обсуждая.
Теперь же еду мир узнать
Уже я сам, как он когда-то,
Частицы знаний собирать
В дороге в шароварах мятых.

Принц вспомнил также, как учитель
Ему поведал о спартанцах,

Каких в бой Леонид-воитель
Вёл против тысяч чужестранцев.
Не поддались спартанцы персам
И к ним примкнувшие феспийцы.
Погибли все в бою нечестном,
Заставив кровь врага пролиться.

То был великий бой и главный.
Теснили персы греков в скалах,
Но им проигрывали явно
В движеньях, в скорости немало.
Звенели копья и мечи,
Вонзались в грудь солдат персидских,
И падали бородачи
В пурпурных кандисах мидийских.

– Их было триста человек! –
Воскликнул педагог Мишелю. –
И персы, делая набег,
Мгновенно их смести хотели,
Но бой шёл в очень узком месте –
В ущелье, где отряд сплотился,
Не сдался персам, к своей чести,
И яростно часами бился.

Потом грек принцу рассказал,

Что делало спартамца ловким:

– Боец всё время посвящал

Тяжёлым, трудным тренировкам.

Спартамцы в строгой дисциплине

Воспитывались прямо с детства,

И главным лозунгом в общине

Был клич: “Не отступай, а действуй!”

– Но и враги не отступились? –

Спросил Мишель в ответ с почтеньем.

– Их двести тысяч там явились,

И Фермопильское сражение

С таким количеством солдат

Никак не проиграть, друг мой.

Вот на руинах баррикад

Ксеркс флаг там и поставил свой.

– А что потом?

– Потом все греки

Объединились против персов,

И ты найдёшь в библиотеке

Про это, если интересно.

Я так скажу: достойны славы

Солдаты битв кровавых этих –

С мечом упавшие на траву,

Они – герои на столетья.

Грек славил и нижегородцев
В далёком княжестве в России,
Назначенных с ордой бороться,
Воздвигнув стены крепостные:
– Построен Кремль совсем недавно,
Буквально месяцы назад.
Красив тот русский город славный,
Я обучал там их княжат.

Там две реки – Ока и Волга,
И прямо в месте их слиянья
История вершилась долго
Кровавых противостояний
Орды степной и гордых русских.
Там был форпост их мощный сделан,
Чтобы не гнуться по-холуйски,
Не дань платить, а драться смело.

– А русские – они какие? –
Задал вопрос принц педагогу.
– Бесстрашные и боевые!
Когда идут в поход, то много
С собой берут посошной рати
Из ополченья горожан,
И все становятся как братья,

Когда гнать надо, кто не зван.

– А кто для них не зван, учитель?

– Литовцы, шведы – их враги,
А есть ещё степной воитель,
Предпринимающий шаги,
Ведущие к расколу царства,
Чтоб территории отнять
Под кличем: “Разделяй и властвуй!”
Он ссорит княжества и знать.

Восточной степью управляет
Тот сильный и жестокий враг.
Он постоянно нападает
И выжигает личный знак
На спинах пленных, как поймает.
Вот чтоб ему отпор и дать,
Хабар людей объединяет
В великокняжескую рать.

– А что ты в их делах отметил,
Чем русский славится народ?
– Любой их дом лучиной светел,
Поют все песни без забот.
У всех есть домра или гусли,
Свирель, кугиклы и рожок.

Мелодия, как речка в русле,
Сама толкает сапожок.

Нижегородская дружина
Всегда упорна и сплочённа
И не показывает спину
Орде жестокой, изощрённой.
Горел не раз великий город,
Пришельцы храмы разрушали,
Но русский бой могуч, как молот, —
Враги боялись и бежали.

Иван Хабар, отважный, резкий,
Нижегородский воевода,
Не пропустил в осаде дерзкой,
В борьбе за честь и за свободу,
Ногайцев и татар казанских,
Что подошли числом огромным.
Непобедимый град славянский
Остался ими не разгромлен.

А ведь казанские татары
В кольчугах, бехтерцах и шлемах,
Не важно молодой иль старый —
Никто не встанет на колена
В любой из битв они бесстрашны,

А смелость — движущая сила,
Но вот под Нижним в рукопашной
Их войско русское разбило.

— А что ногайцы?

— Мощь и слава

Орды ногайской всем известна.

Набег стремителен, как лава,

Но им в степи как будто тесно —

Вот и пошли они на бой

Расширить вдаль свои кочевья.

И там вкусили, мальчик мой,

Смолой пропитанный изгребьев.

И, кстати, я знаком с Хабаром —

Иван Добрынский-Симский он.

Я в Нижний Новгород с товаром

Приехал, он же меж знамён

Сидел на белом скакуне,

И он меня тогда заметил.

Тепло довольно так, вполне,

Рукопожатием приветил.

Меня отлично накормили.

Так вкусно с юных лет не ел.

Огромный в поле стол накрыли,

Куда со всеми я присел.
Подали много местных блюд
И хлеб чудесный на тарелке,
Потом из пушек был салют –
Дождь искр разноцветных, мелких.

Затем я попросил солдата
Со мной сразиться на мечях –
Бойца, закованного в латы
С двумя шипами на плечах.
Мы бились с ним довольно долго,
Пока не надоело нам,
А рядом бушевала Волга
И к ночи разлилась к ногам.

Поняв, что я боец реальный,
Который сходу не уступит,
Ко мне там отнеслись похвально,
Сказали, что товар весь купят.
А тот, с кем дрался на мечях,
Свой меч мне тут же подарил
И так любезен был в речах,
Что я весь день лишь с ним ходил.

Потом, как выглядит ни странно,
Я встретил там свою любовь.

Подобной девушки, забавной,
Что может будоражить кровь
Своею дивной красотой,
Я не встречал ещё ни разу,
И, проводив её домой,
Сказал единственную фразу:

Признался, что её люблю
И что вернусь к ней непременно,
И после этого к коню
Пошёл, чтоб оседлать мгновенно.
Но нас заметили соседи,
Не дали сразу ускакать –
Как ухажёра юной леди,
Просили чувства доказать.

– И как доказывал ты чувства? –
Мишель спросил шутливо грека.
Залил румянец щёки густо
Наставнику и, превратился в реку,
Дошёл до лба и вниз спустился,
И даже покраснели руки.
– Мишель, ты знаешь, ухитрился!
Ну, хочешь, расскажу от скуки.

Ну, я обнял тепло девчонку

По-гречески, довольно крепко.
Мой поцелуй был слышен звонко
Соседям, да и всем соседкам.
Её глаза меня манили,
Но папа появился - строг.
Сказал, чтоб мы здесь не шалили,
И стал ворочать сена стог.

– И ты, конечно, испугался
И бросил даму обнимать?
– Да нет, я в целом засмутился,
Подумал, как же мне понять
Слова отца её – как знак,
Что в нём какая-то обида,
Или на самом деле так –
Вся его строгость лишь для вида?

– И как ты понял?
– Так отец
Опять слова те повторил,
Добавив: “Если под венец
Берёшь, тогда нам станешь мил,
Ну а пока ступай-ка, доча
В избу и там запишись на ключ.
А ты, не дожидаясь ночи,
Покажь нам, как твой конь прыгуч!”

Дочь в дом пошла, без пререканий,
Отца исполнила наказ,
А я, попив в харчевне чая,
С друзьями пообщался час
И в тот же вечер ускакал
Из города своей мечты.
Теперь вернусь, как обещал,
Как только лишь уедешь ты.

– Так значит, от меня зависит,
Вернёшься к ней ты или нет? –
Мишель стоял с улыбкой лисьей,
Окрасив щёки в красный цвет.
– В каком-то смысле, так вполне! –
Кивнул грек принцу головой. –
Что делать мне в твоей стране,
Где я учитель только твой?

– А ты в какой-то битве яркой
Участвовал с Хабаром вместе? –
Спросил Мишель у грека мягко,
Пока тот думал о невесте.
– Оборонялся! – выдал грек, –
От черемисов из степей
В спокойный день, когда лишь смех

Был слышен всюду от детей.

Лавиной конница помчалась,
И мы их смяли за минуты,
От войска горсточка осталась —
В ичиги летние обуты.
Умчались, развернув назад
Коней, в родную степь галопом.
А сзади смелый наш отряд
Их час преследовал по тропам.

Они устало огрызались
И стрелы тучами пускали.
Пять стрел и мне предназначались,
Но только, к счастью, не попали.
Нацеленные на меня,
Неслись так быстро, словно пули,
А я, надеясь на коня,
Вдаль мчался, корпус свой ссутулив.

— А черемисы, что за люди?
— Ещё одна орда лесная,
Что не боятся ни орудий,
Ни драться в стужу, замерзая
На русском холоде известном.
До ужаса храбры солдаты,

Но мы вернули их на место,
Мечами изрубив им латы.

Таких историй принц от грека
Довольно много вспомнить мог.
Принц чтит его как человека,
К тому же знал, что педагог,
Объездив не один десяток
Различных зарубежных стран,
Так и не накопил достаток,
Пока он не попал в Ливан.

Эмир хвалил его работу
И очень хорошо платил,
А грек, желая дать хоть что-то
Из знаний, что сам накопил,
Мишелю, каждый час старался,
Но принц предпочитал гулять.
Хотя ценил, что грек пытался
В нём сущность к лучшему менять.

– Хороший у меня наставник, –
Мишель воскликнул громко вслух. –
И он, как искушённый странник,
Блестяще занимал бы слух,
Ведя до ночи разговоры

С добавкою всё новых порций:
И про спартанские дозоры,
И про шальных нижегородцев.

Вот так и время пролетало
В поездке по песку и лужам.
Лишь что-то память вспоминала —
Мишель рассказывал вслух тут же.
Когда же он утомился,
Устав сам от своих рассказов,
То вынул нож и им побрился,
И не поранился ни разу.

Ослам воды уже хотелось,
И принц ручей пошёл искать.
Пыль под подошвами хрустела
От листьев старых, и понять
Мишель успел сейчас в дороге,
Что нет в лесу кого-то ближе,
Чем два животных быстроногих
Ему здесь на дороге рыжей.

ГЛАВА IV

А что же было во дворце,
Пока принц пребывал в дороге,
С улыбкой доброй на лице
И взглядом молодым, нестрогим?
Ливан всерьёз испытан был:
К границе подошли османы:
Селим сирийцев подчинил,
В другие устремившись страны.

Полсотни тысяч янычар,
Азабов и тимариотов
Хотели в лобовой удар
Пойти, Бейрут разрушить с лёта.
Однако кто-то их окликнул
Из личной гвардии султана,
Точнее, грозным воплем рыкнул,
Чтоб все придерживались плана.

– Прошу вас, доблестных солдат,
Пока что охладить свой пыл, –
Такой приказ дал султанат,
О чём я вас оповестил.
– Зачем же ждать? Сорвём ворота,
Займем столицу за полдня!
– Кому лечь под топор охота –

Те, игнорируйте меня!

Селим ведёт переговоры
О сдаче города сейчас,
Прошу, не поднимайтесь в горы,
Не провоцируйте на нас
Напасть ливанские отряды.
Как только лишь гонцы вернутся,
Поймём, что делать дальше надо!
А вот они уже несутся!

Селим султаном был турецким,
Отважным необыкновенно.
Одетый скромно, но по-светски,
Он часто в свой доспех военный
В походах переоблачался
И в нём врагов своих встречал.
Непобедимым он считался
И брал все земли, что желал.

В любви рождён от Баязида,
Он младшим сыном был в семье.
Имел на всю родню обиду,
Что трон не мог забрать себе.
Отец был против, братья тоже,
И он решился на войну,

В расчёте, что народ поможет
Расширить бунта глубину.

Селим собрал немного войска –
Не все решились бунтовать,
Ведь битва не была геройской –
Раз сын с отцом шёл воевать,
И лишь искатели наживы
Примкнули радостно к Селиму,
С надеждой, что, оставшись живы,
Получат куш неисчислимый.

Однако Баязид Второй
Разбил Селима, не жалея,
И воин, проигравший бой,
Умчался в Крым к Менгли-Гирею.
Тот был учтивым к его славе,
И вот бунтарь, набравшись сил,
Опять отцу письмо направил,
Чтобы он Порту уступил.

Менгли-Гирей же был союзник
Ивана Третьего вначале.
Ещё вчера османский узник, –
Как только руки развязали,
Он подчинил себе весь Крым,

За что ордынцам стал врагом,
Но дал сражение и им
И сжёг Сарай – их ханский дом.

Сарай был город, что Орда
Своей столицей называла.
В низовьях Волги, где вода
Особо сильно бушевала,
Дворец построили монголы,
Но Каспий после его смыл,
А что осталось в дельте голой,
Хан крымский в пепел превратил.

Одна из сильных армий в мире
Великих воинов монгольских,
Сдалась без всяких перемирий
Крымчанам и полкам московским.
Резня была настолько дикой,
Что кровь везде лилась рекой,
Неслась орда по полю с гиком,
Неся потери в битве той.

Жестокость проявил Гирей
К тем, кто сам лютость проявлял.
До всех ордынских лагерей.
Дошёл, и весь доход отнял,

Награбленный толпой кровавой.
Жёг степь и выдувал их дымом,
Потом устраивал облавы,
Брал в плен и вёз в улусы Крыма.

А вот Иван был князь московский,
Что города объединял
По всей Руси, чем гнев литовский
Неоднократно вызывал.
Его союз с Менгли-Гиреем –
Правителем татар и греков,
Страх у поляков также сеял –
А вдруг пойдут к ним через реку?

А ведь поляки никогда
Испуг и страх не проявляли.
Рубились храбро все года,
И отступления не знали.
Литовский орден сильно тоже
Прославил доблестью страну,
И вдруг их из Москвы тревожат –
Примите воинов волну.

Иван сначала подчинил
Тверь, Ярославль и Ростов.
Забрав их земли, утвердил

Орла из Рима для гербов, –
Причём двуглавого орла.
Ещё Судебник написал –
Чтобы Русь спокойно жить могла,
Наказывая, кто мешал.

И этот первый свод законов
России очень помогал.
Он стал преступникам заслоном
И мирных граждан защищал.
Кровавых банд поменьше стало,
Зато наполнились остроги.
Власть дерзко всё вокруг меняла –
Судебник был довольно строгим.

Когда князь победил Литву,
Третью площади её забрал,
Пустив по всей стране молву,
Что Брянск навеки русским стал.
Ещё он подчинил Казань,
А после Гомель и Чернигов,
Переходя любую грань,
Границы, не стесняясь, двигал.

Так и расширилась Россия
На самых первых тех порах.

И много рек прекрасных синих
В ней стало и людей в полях,
Что с сохами по ним ходили,
И спали рядом в листвягах,
А после улицы мостили
В чудесных новых городах.

После того как прекратила
Существование Орда,
Менгли с Иваном стали силой
В великой дружбе на года.
Гирей дал войско и Селиму,
И дочку за него же выдал,
И, получив поддержку Крыма,
Селим связался с Баязидом.

Теперь уже отец поддался
На уговоры, ведь Селим
В письме пристойно обращался.
А что писал? Лишь им двоим
Известно. Но ответ свой быстро
Послал Селиму Баязид:
- Ждёт твоё судно наша пристань,
А я жду твой сюда визит.

И вот Блистательная Порта –

То есть империя османов –
Встречает шехзаде с эскортом
Уже как нового тирана.
Селим войной пошёл мгновенно
На всех своих соседей сразу,
Разрушив крепостные стены
Во всех ближайших мухафазах.

Сперва бой выиграл у персов
Селим, отняв у них Тебриз.
Затем, как по скале отвесной,
Он возвышался сам, и вниз
Стал сталкивать других султанов,
Резню устроив в странах их.
Потом на Сирию с Ливаном
Повёл отряды слуг своих.

Лишить сирийцев и ливанцев
Свободы и земли своей
Хотели дерзкие османцы,
Дождавшись ночи потемней,
Обрушившись на них, как град,
И сразу в Сирию вступили,
И громкий провели парад,
Когда Алеппо захватили.

Потом Дамаск был взят без боя
После падения Алеппо,
Где избиение устроил
Врагам своим Селим свирепый.
Сражался с ним султан Кансух,
Отправившийся на войну
С Египта, взяв сто тысяч слуг,
Чужую поддержать страну.

Египетский султан Кансух
Был из династии черкесов
И отдавал приказы вслух,
Лишь только тщательно всё взвесив.
Он туркам был ещё вчера
Союзник против португальцев,
Ну а теперь пришла пора
Мечи направить на османцев.

Кансух хотел разбить османов
И Сирию спасти от них,
Чтобы не дать ей стать вассалом,
Зависимой от слова их.
На поле городка Мардж Дабик
Его войска в галоп помчались
Селиму авангард ослабить,
Но поняли, что просчитались.

В день жаркий тысячи коней
Вздыбили пыль, и трудно стало
Там различать врагов, друзей,
И много войска сразу пало
От метких выстрелов из пушек,
Которые Селим припрятал,
Сомкнув обозы, как ловушки,
Где также скрылись и солдаты.

И конница, попав в засаду,
Уткнувшись в стену из огня,
Нарушив боевой порядок,
В досаде шпорами звеня,
Спасаться начала от ядер,
Забыв о расстановке в битве,
Что рисовали ей в тетради
Военачальники в Египте.

Был шанс у египтян огромный
И перевес в числе солдат,
Но бейлербей фланги ровно
Держали, не ушли назад.
Давил Кансух и в середину,
Но там опять же не прорвался.
Селим стальную паутину

Сплёл, чтобы враг в неё попался.

Полки Кансуха вмиг смолотили
После начального разгрома,
Где хитро на Дабикском поле
Весь центр войск его был взломан –
Как раз тем нестандартным ходом,
Который применил Селим,
И поменялся у народа
Султан и знамя вместе с ним.

Селим расправился жестоко
С солдатами, что он пленил,
Лилась на плахе кровь потоком –
Две тысячи за день казнил.
Понятно, в целях устрашения
Уничтожали безоружных,
Но были все в недоуменье
От казней этих, столь ненужных.

Когда султан пришёл к Дамаску,
Открыли там ему ворота,
И зная, надев на лица маски
Смирения, бесповоротно
Его правителем признала.
Селим столицу пощадил –

Коли она без боя пала,
Не сжёг и в пыль не превратил.

Чуть позже армия османов
Решила подчинить Каир.
Через синайские барханы
Пошла, чтоб навязать свой мир
Войной строптивому султану
И дать сражение врагам.
Другое войско шло к Ливану,
Чтоб и его прибрать к рукам.

А в это время португальцы
С мамлюками в бою столкнулись,
И те направились к ливанцам,
Просить, чтоб и они втянулись.
И получилось, что Ливан
Низвергли сразу в две войны,
И каждый враг бил в барабан,
Здесь рудимент своей страны.

Как грозным удалось османам
Разбить великих храбрецов –
Сирийцев, персов в их же странах,
И стать хозяином дворцов,
Где золота, буквально, горы

В хазнах огромных закисает,
Никто сейчас да и в ту пору
Конечно же, вообще, не знает.

Добавить было бы не лишне:
Мамлюки – кто они такие?
Сбежавшие рабы-мальчишки,
И люди вроде бы простые,
Зато сражались очень смело,
Заставив всех с собой считаться, –
Потом, Египет взяв умело,
Их султанат стал возвышаться.

И вот как раз глава Каира
Мишелю приходился дядей,
Кто мог ливанскому эмиру
Сказать в глаза бесстрашно глядя,
Что для него Мишель – как сын,
И почести ему окажет,
Когда Египет дворянин
Своим явлением уважит.

Военачальники османов
Имели цель совсем другую:
Узнав, что изгнан без охраны
Эмира внук в страну чужую,

Они послали вслед отряд
Пленить его на полпути –
Галопом, выстроившись в ряд,
Помчались вскачь его найти.

Прочёсывали всё беззвучно,
Смотрели за любым кустом.
Их командир собственноручно
Листву отодвигал мечом,
Но принцу повезло прилично:
Отвёл османов проводник,
Которого они, логично,
Из местных взяли в этот миг.

Заставил следопыт османов,
Скакать всех в сторону другую,
И вследствие того обмана
Их поиски прошли впустую.
А принц спокойно ехал прямо,
Не зная, что за ним в погоню
По кочкам, по буграм и ямам
Турецкие скакали кони.

Когда османы догадались,
Что проводник их за нос водит,
Они толпой к нему помчались,

И сразу, привязав к подводе,
Решили в лагерь свой доставить,
Чтоб строгому суду предать.
Туга верёвка – не ослабить,
И нож, что спрятан, не достать.

Однако проявил смекалку
Пленённый доблестный ливанец.
Он за подводой шёл вразвалку,
Как будто исполняя танец,
Смешил османов и локтями,
Как лебедь в стороны махал,
Пока одну петлю ногтями
С ладоней связанных не снял.

А после, размотав верёвку,
Решил он вырваться из плена –
Забрался на подводу ловко,
Сбив арабджи вниз коленом.
Осман скатился от удара
И распластался на траве,
Измазав бёрк со шлейфом старый
И свой галун на рукаве.

Пришёл в себя турецкий воин
И дёрнул за сапог ливанца,

Но проводник стоял спокоен –
Сил не хватило у османца.
Тут кинулась к нему подмога,
Однако проводник не спал.
Мгновенно прыгнул на дорогу
И что есть силы побежал.

В кусты он бросился, виляя,
И даже пущенные вслед
Ему пять стрел, кору сдирая,
Лишь просвистели у манжет
Его помявшейся рубахи,
На что ливанец рассмеялся,
И, прогоняя свои страхи,
В ближайший лес густой помчался.

– И где же храбрые османы? –
Кричал им храбрый проводник. –
Вам сложно парня из Ливана
Поймать в лесу за воротник?
А говорите – пальцы ваши
Дотянутся везде и всюду.
Не по зубам леса вам наши,
В Стамбул свой топайте отсюда!

Османы понеслись в погоню,

На два отряда поделившись.
Стремительно летели кони,
Ливанец, в чаще притаившись,
Сидел за дубом в три обхвата,
Достав свой нож из сапога.
Лезть вверх? Сучки высоковаты,
Ещё и затекла нога.

Казалось нет ему спасенья,
Османы взяли рощу в клещи,
Но тут земля пришла в движенье
И появилось много трещин.
Раздался грохот повсеместно
И несколько коней османов
Вздыбились и столпились тесно
В испуге от вибраций странных.

И понял доблестный ливанец,
Что шанс ему дала Природа,
И не сдающийся упрямец –
Сын славный гордого народа
Прыжком одним перескочил
Разлом огромной ширины,
Чем всех османов удивил,
Оставшихся с той стороны.

Бейрут же собирал героев,
Свои наращивал полки
Что шли вперёд парадным строем,
Пока османские стрелки
На них обрушивали стрелы
Из лагеря перед границей.
Ливан отстреливался смело
Способный хоть сейчас сразиться.

Часы шла в поле перестрелка –
Враг не пытался нападать.
Он просто учинял проверку,
Да и намёк хотел послать –
Что, силу грозную имея,
Османь щедрые вполне,
И лучше, свой народ жалея,
Ливанцам уступить в войне.

Абдулгани, великий воин,
Увидел с гор турецкий стан
И сразу понял: враг достоин,
Чтоб поднимать на бой Ливан
Кругом, от мала до велика,
И склад с оружием открыть,
Ведь только воинственным криком
Османов не остановить.

Везде гонцы спешили к людям
Как есть всю правду рассказать,
А также сообщить, что будет,
Если набег не отражать.
Всех славных воинов отправил
На битву сложную Бейрут,
Перед каким вопрос поставил
Селим о смене власти тут.

Собрав два войска из народа,
Объёмом с грозовые тучи,
Эмир вступал в бой за свободу,
И вместе с тем он был задумчив:
Османы часто досаждали,
Но лишь диверсиями с моря,
Сейчас же армии стояли
Лицом к лицу в серьёзном споре.

И Фахр эд-Дин решил сражаться
Против империи османов,
Совету повелев собраться,
Чтоб обсудить указ султана,
Что передали турки им.
Вожди всех кланов были против,
Сказав: “Страну не предадим,

Сколько полков ни приведёте!”

Гонцы умчались восвояси,
И гнев османов был силён —
Неукротимый и опасен,
Мгновенно выразился он
В большом и мощном наступленье,
Где авангард и резервисты
Достойны стали восхищенья
Из-за манёвров очень быстрых

Турецких пушек было много
Вдоль гор поставлено для боя.
Османы начали с поджогов,
Ливан всерьёз побеспокоив.
Стреляли пушки очень метко
По крышам глиняных домов,
Где сразу чёрным дымом едким
Их обволакивало кров.

Метались люди средь огня,
Бежали в страхе врассыпную.
Казалось всюду западня!
Кто мог — в землянку лез лесную,
А смелые хватали пики,
Чтоб в стороне не оставаться.

С семьёю сделав переклики,
Шли в ополчение сражаться.

Навалом кинулся осман,
Синхронно двинулись отряды,
Чтоб подчинить себе Ливан
И получить казну в награду.
Повесить тех, кто не послушен,
Казнить всех тех, кто дал отпор,
Разбить на море и на суше,
Вельмож же сунуть под топор.

Эмир в ответ ударил с флангов:
Отряды дерзких храбрецов,
Сомкнув щиты в больших фалангах,
Измазав краскою лицо
Для устрашения османов,
Зажали часть из них в тиски,
И сотни из мужчин их славных
Упали в траву и пески.

Захватчик сильно удивлялся
Внезапной стойкости Ливана, —
Другой эмир сейчас бы сдался
И покорился бы султану,
Ведь все же на Востоке знают,

Как разрешают турки спор:
Константинополь не прощает
Тех, кто даёт ему отпор.

Однако Фахр эд-Дин Великий
Себя в сражение не жалел,
Врагов расстраивая дико
Тем, что упрямый был и смел.
И на него бойцы равнялись,
Что шли под флагами Ливана,
В бою всюду сопротивлялись,
Сражались, несмотря на раны.

Когда войска сошлись опять,
Десятки боевых штандартов
И стягов стали поднимать
Солдаты всюду в авангардах.
И снова в ход пошли мечи,
А если фронт ломался где-то,
Сигнал давали трубачи –
В брешь бить из пушек и мушкетов.

Туда и конница бросалась,
Чтобы солдат сильней рассеять.
Ливанцы бреши опасались –
Пролом уже ничем не склеить,

Уж если только сам эмир
Там не появится с мечом —
Под градом ядер из мортир
Себя проявит храбрецом.

Но через миг понятно стало,
Что турки, в численности вдвое
Превосходившие сначала, —
Всецело завладели боем,
И натиск смельчаков-ливанцев
Здесь не даёт своих плодов,
К тому же были чужестранцы
Вооружённые до зубов.

Эмир послал гонцов к аланам —
Союзникам своей страны,
Чтоб тоже дали бой османам,
Ведь ярким мужеством полны
Полки аланов были силой,
Весомой очень в те года, —
Их рать как раз в стране гостила
И объезжала города.

Алан — храбрейший Азамат —
Откликнулся помочь эмиру,
Пообещав прислать отряд,

Чтоб принудить османов к миру,
Сказав, что это – честь для них,
И что примчатся ближе к ночи,
Османы же пусть ждут тот миг,
Когда гнев в горцах заклокочет.

Абдулгани в бочонках порох
Потребовал доставить в горы:
Несли их тихо, так как шорох
Мог разбудить собачью свору,
Что охраняла вражий стан,
А после бочки подожгли,
Плеснув на них смолы стакан, –
И пиками столкнуть смогли.

И по пути они рванули,
Обрушив горы камнепадом, –
Летели камни, словно пули,
А глыбы – с быстротой снарядов, –
Вся куча – на орудья точно.
И там, где осыпались скалы,
Османских пушек много очень
Лежать осталось под завалом.

Глава турецких войск в Ливане
Тюркун-паша был удручён.

Десятки боевых кампаний
Провёл по всему миру он.
Но чтоб лишиться десять пушек
В Ливане после камнепада...
Понятно – его план разрушен,
И отступать отсюда надо.

Но как отступишь, если сзади
Идёт навстречу сам Селим,
Уже мечтавший о параде
И обратившийся к своим
Солдатам с пламенным призывом:
“Блистать в сражениях, теснить
Врага, ему крича с порывом:
“Империю не победить!”

Пришло послание эмиру:
“Полки аланов разделились.
Один направился к Каиру,
Два с нашими соединились”.
Вздыбили кони степи круто,
Аланы бросились вперёд,
И вот уже через минуту
Османский разнесли оплот.

Ливанцы вмиг приободрились,

Помчались на своих врагов.
В руках опять знамёна взвились
Бойцов передовых полков.
Урон был нанесён серьёзный –
Смят полностью весь центр османов,
Когда огромным войском грозным
Сражаться начали аланы.

Тюркун-паша отвёл отряды,
Чтоб их вообще не потерять,
Но вдруг наткнулся на засаду –
Черкесы вышли воевать.
Опять звенела сталь повсюду,
Османы храбро отбивались,
Но шли в Ливане пересуды,
Что турки всё-таки сломались.

Всё поле было в ятаганах –
Их просто бросили при бегстве.
Храбры защитники Ливана,
Что знали каждый кряж здесь местный.
Побит был сильно враг незванный,
Везде солдат мелькали ноги,
И убегающим османам
Никто не закрывал дороги.

Ливанцы славили эмира –
Ошеломляющий успех
Принёс им подвиг командира,
Что на войну собрал их всех
И вдохновил на бой суровый.
Тюркун-паша разбит всецело.
Не смог он отпереть засовы
Границ в горах красивых белых.

Но это было лишь затишье –
К Ливану подоспел Селим.
Всегда желающий стать выше,
Смотрелся непоколебим.
Он кинул в бой войска османов,
И турки понеслись вперёд,
Чтоб совершить захват Ливана,
Поработив его народ.

Гремели снова ятаганы
В стремлении пробить доспехи
Великих воинов Ливана,
Чья храбрость привела к успеху
В кровавой битве в этот день,
Но и Селим был тоже смел:
Он сжёг десятки деревень
И крепко на страну насел.

И пал Ливан под власть османов,
Но честь эмира сохранил
Селим, как и бойцов всех славных,
Кого в сражении разбил.
Он дал эмиру право править
При подчинении своём,
А сам пошёл себя прославить
В Египет с войском и мечом.

Ливан сражался за свободу,
Однако принц о том не знал.
Он из ручья в лесу брал воду –
Ослам в корыте подавал.
Он слышал, что гремели пушки,
Но глухо как-то, отдалённо,
И думал: где-то в деревушке
Гроза идёт определённо.

А впереди – сплошная чаща,
Где тесно даже мошкаре,
Сюда баранов волки тащат,
Каких украли во дворе
У зазевавшихся хозяев.
Да и разбойники наглеют,
Но принца ведь в лицо все знают –

Напасть, обидеть не посмеют.

Бандиты рады всем товарам:

Пусть это ружья иль ковры.

Но отпускают тех, кто старый,

И женщин с кучей детворы.

Всех остальных нещадно бьют

Прям здесь же, на лесной дороге,

Верша ужасный самосуд,

Когда у жертвы нет подмоги.

В ответ эмир в леса отряды

Довольно часто посылает.

Солдаты с очень строгим взглядом,

Что все лазейки в чащах знают.

Как истязателей поймают,

Привязывают к сёдлам туго

И мелкой рысью доставляют

Для всяких нужд к дворцовым слугам.

А там работы – шлейф гигантский –

Коней почистить, покормить

Собак огромных меделянских,

Что повезло дворцу купить

В России у собаководов, –

Такие псы быка сбивают

С разбега, с одного захода
И от медведей защищают.

Ещё прополка огорода,
Покраска стен, ремонт настила,
А также смешиванье соды
С оливками, чтоб сделать мыло.
В общем, занятий много очень
Для тех, кто исправленье ищет,
И так весь день с утра до ночи,
Пока их сущность станет чище.

Мишель вдыхал прохладу леса:
– В красивом мире лес прекрасен! –
Мальчишка понял под навесом
И сам с собою был согласен.
Часы дороги монотонно
Его склоняли к думам снова,
И он, хоть и молчать не склонный,
Опять сидел, не молвив слова.

Когда совсем уж скучно стало,
Принц начал вспоминать стихийно
О том, что память щекотало
На данный миг особо сильно –
Конечно же, девчонок милых,

При этом – сразу всех из них:
Изящных, умных и смазливых,
А также и друзей своих.

Его друзья – Абдул и Сина –
Из двух влиятельных семей.
Абдул с девиц писал картины,
Где делал лица красивей.
В изобразительном искусстве
Предпочитал он стиль восточный,
И рисовал портреты с чувством,
Имея дар на это точно.

А Сина был хороший тренер,
Мечом отлично фехтовал,
Любил подкармливать оленей,
Железа много поднимал.
Он мог присесть и с жеребёнком,
Что весом в сотню килограмм,
Ещё мог петь довольно звонко
И громко хлопать себе сам.

Ну, в общем, классный друг весёлый,
С кем не приходится скучать,
Хлебать любитель разносолы
И мастер байки заливать.

Все знали, что он привирает,
Но вот разоблачать друзей
Никто особо не желает –
Такой вот принцип у людей.

К тому же Сина был смышлёный:
Такие не стоят в испуге,
Когда принц, спором увлечённый,
Споткнуться мог, упасть при друге, –
Допустим, в сточную канаву,
Внезапно сбитый резвым мулом,
Что быстро скачет от расправы
Собак голодных и сутулых.

Всегда друг помогал чем мог,
Везде и всюду защищал,
К эмиру, не жалея ног,
Бежал – его на помощь звал.
Такую дружбу, между прочим,
Эмир ценил невероятно.
Хвалил он Сину, славя очень
И преданность, и вид опрятный.

Однажды Сина плыл с Мишелем
По горной, ледяной реке.
До берега доплыть сумели,

Там повалялись на песке.
А вот обратно у Мишеля
Плыть просто не хватило сил,
И Сина до ближайшей мели
Его не бросил, дотащил.

И снова оценил эмир
Достоинство благородство Сины,
Его прославил на весь мир –
Повесил во дворце картину,
Как Сина тянет из льда
Уставшего родного принца,
Чтоб всякий мог во все года
Его отвагой восхититься.

Абдул был тоже принцу предан.
В одном походе как-то барс,
Что страха никогда не ведал,
На принца прыгнул – вот и спас
Абдул его, щит быстро кинув,
Сбил кошку ловко, помешал,
А после подоспел и Сина,
И барс, оскалившись, сбежал.

Отметить надо, что впервые
Поехал принц так далеко.

Дни были слишком заняты,
Чтоб прежде лезть так глубоко
В лесные дебри и всем телом
Дрожать от хруста всякой ветки,
Надломленной животным смелым,
Различной формы и расцветки.

И вот он едет дальше чинно,
Любуется листвой зелёной.
Гиена встретилась невинной
И после пира – полусонной.
Кого они там растерзали
Своей кровавою толпой –
Ни принц, и ни ослы не знали,
И непонятно нам с тобой.

Клыки гиены, как известно,
Свободно разгрызают кости,
И ни один бы житель местный
Гиену не желал бы в гости.
Она еду не выбирает
И человека не боится,
Всегда внезапно нападает,
Чтоб в рёбра впиться, ухитриться.

Животный мир жесток в Ливане,

Долины хищников полны,
И в лес со страхом горожане
Идут, защиты лишены.
Здесь вероятность быть убитым
Змеёй, готовой для броска –
Гюрзой, гадюкой ядовитой –
Довольно сильно велика.

И леопард клыки здесь точит
О ветви молодых стволов.
Свирепый, беспощадный очень,
Он так же, как змея, готов
Мгновенно броситься в атаку
Из неприметной всем засады
На человека и собаку,
Прыжками через все преграды.

А самый грозный зверь в Ливане –
Ни леопард, и ни гиена.
Лев африканский утром ранним,
Освободившийся из плена
В зверинце местном, тут в лесу
Стал убивать бродяг повально.
С глубоким шрамом на носу,
Он был жесток феноменально.

И вот, когда телега с принцем
В пространной роще оказалась,
Мишель и встретил льва-убийцу,
Чья мощь и стать в глаза бросались.
Лев был гигантом, шёрсткой светел.
Он облизнулся языком,
Как будто лакомство приметил,
Всё тело сжав перед прыжком.

Враги смотрели друг на друга.
Принц был бессилен защититься,
И, обомлевший от испуга,
Мишель не смел и шевелиться.
Он был тут словно под гипнозом
От беспощадных львиных глаз,
Дрожа, как будто от мороза,
В надежде, чтобы кто-то спас.

Но вот отсутствовал здесь Сина,
Абдула не было, эмира.
Зато жестоких птиц – лавина,
Сидящих на ветвях инжира,
Что льва преследовали всюду,
Пока он дичью промышлял,
Рвал мясо сразу по полпуда
И им немного оставлял.

И вот лев прыгнул, но ослы
Решили выручить Мишеля –
Метнулись с резвостью пчелы,
Что чуть колёса не слетели.
Не рассчитал лев, промахнулся,
Ослы же бросились в галоп.
Принц по инерции согнулся
И об сундук разбил свой лоб.

Кровь потекла со лба ручьём –
Не так чтоб сильно, но прилично.
Мелькает лес – ствол за стволом
Деревьев к принцу безразличных.
Сучки бьют сильно по лицу,
И надо уклоняться было
От той паветви беглецу,
Какая, как палаш рубила.

И на ранение нет смысла
Сейчас вниманье обращать.
Лев кинулся вдогонку быстро,
Решив охоту продолжать.
И принц, увидев мимоходом
Клыки, белее снежной выюги,
На льва столкнул бочонок мёда,

Всё это делая в испуге.

И только лишь большой бочонок
Свалился хищнику на спину,
Он взвизгнул точно как котёнок,
Но так как громкий рёв ослиный
Все звуки леса заглушал,
Царя зверей никто не слышал,
И он трусливо в лес удрал,
Запрыгнув на сосну повыше.

Ослы скакали минут двадцать –
Так сильно зверя испугались.
Мишель же стал захлёб смеяться,
Когда порядком вдаль умчались.
Не смог расправиться лев с принцем,
И растерзать его ослов,
Не смог клыками ухитриться
Порвать их всех на сто кусков.

А что по поводу тех птиц,
Которым не досталось мяса,
Подвёл их расторопный принц,
Не дал в гнездо набрать припасов.
Они стремглав помчались в лес
И стали у сосны летать,

Чтоб зверь быстрее с неё слез,
И стал другую дичь искать.

И вот, когда всё улеглось
И враг остался позади.
Мишель от страха весь насквозь
Промокший, вытер кровь с груди,
Что вниз по-прежнему стекала
С его пораненного лба,
И даже на халат попала,
Где была вышивка герба.

Ливанский кедр рос повсюду –
Мишеля это привлекло.
Он часто слышал пересуды,
Что ещё время не текло,
А кедр уже в виде диком
Чудесно цвёл по склонам гор.
– Сейчас, сейчас! То – ежевика
В пяти шагах у лисьих нор.

Принц слез с телеги очень быстро,
Ослы и рады постоять.
Лес хоть густой, но очень чистый –
Такого леса отыскать
На всей планете невозможно.

Красив везде, куда не лезь.
Ослы притихли осторожно –
Впервые оказались здесь.

Во всю даль чаща распростёрта,
Манят фисташки, васильки,
Есть семена любого сорта,
Побеги, ветки, стебельки.
Две тысячи шестьсот растений
Различных видов тут, в Ливане.
Но хватит ли ослам терпенья
Стоять беззвучно утром ранним?

Конечно же, они пытались
Сдержаться в силу воспитания,
Ушами хлопали, топтались,
Но не бросались, как пираньи,
С телегой на прокорм вкуснейший,
На траву, ветки и кусты,
Да и вообще старались меньше
Производить здесь суеты.

Мишель забавно потянулся
И пару раз присел размять
Колени, после – оглянулся
И плетью спину стал чесать.

Но что это? Орёл огромный
Летит из леса на ослон!
Хотел он мяса неуёмно —
Хотя бы несколько кусков.

Мишель сначала заметался,
Ведь только что был бой со львом,
Но после уж не сомневался,
Как взглядом встретился с ослом
С тем самым, что к нему был ближе,
И принц решил их защитить,
Чтобы никто не стал обижен
Орлом, что кровь желал их пить.

Принц щёлкнул плетью очень хлёстко,
Когда стрелой упала птица.
Перепугался хищник — жёстко
Пришлось на землю приземлиться.
И, панике поддавшись дикой,
Он крыльями забил тревожно,
А после, громко закурлыкав,
Поднялся в небо осторожно.

Второй бросок хотел он сделать,
Но острым принц ему копьём
Грозить стал яростно и смело,

И когти сжались под орлом.
И он их вновь не распускал,
Лишь клювом щёлкал раздражённо.
Он понял - потерпел провал –
Принц битву выиграл бесспорно.

И хищник, яростью клокоча,
За тучей дождевой исчез,
Что шла в то место, между прочим,
Где и стоял красавец лес.
Ослы задёргали ушами,
И принц слегка погладил их
И дал понять, что чтит и славит
Животных, как друзей своих.

Суровый лес, дорога в гору,
Придётся час идти пешком,
Опять в кустах какой-то шорох –
Прям там, где одинокий дом
Стоит, заброшенный давно,
Разваленный наполовину.
Хотя есть целое окно
С резьбой по контуру старинной.

Лучи от Солнца с нежной лаской
Погладили лицо Мишеля,

И он с улыбкой азиатской,
Отведав утренних коктейлей
Из воздуха, росы и света
И съев кусочек ананаса,
Исполнил с чувством кабалетту
Высоким двухоктавным басом.

Потом насыпал ежевики
В кувшин и пробкой верх закрыл,
И ягодой, под птичьи крики,
Ослов с ладони покормил,
А после снова влез в телегу
Да и разлёгся вольно там,
Любуясь шапками из снега
В горах и прочим чудесам.

Ему пришла на ум Азиза –
Милашка, внучка коновода,
Что отвергала так капризно
Его к ней хитрые подходы,
Хотя любила фрукты с сада,
К подаркам нежно относилась.
Прекрасно было б, если б рядом
Она сейчас бы находилась.

Азиза может быть забавной

И стать приятным компаньоном,
И смех её, чудесный, славный,
Отличен мелодичным звоном.
– Хороший кандидат в невесты, –
Сказал Мишелю как-то дед,
Под вечер, развалившись в кресле,
Укутанный в шотландский плед.

Что привлекло эмира в ней?
Конечно, это чистота
Всех её мыслей и идей.
Она – часть белого листа,
Куда не падали чернила
Измены, подлости, коварства.
Она и яда не таила
И не терпела самохвальства.

Но только нет Азизы милой
С Мишелем рядом утром свежим,
Да и ослы таскать не в силах
Пять сундуков с её одеждой,
Какие с краскою на щёчках,
Она взяла бы без раздумий,
Чтоб, даже прыгая по кочкам,
Всегда быть в новеньком костюме.

В Ливане девушку в невесты
Жених берёт обычно так:
Находит красочное место,
Сжимает перед ней кулак
И после резко разжимает,
И если там лежит кольцо,
То дама сразу понимает:
Его серьёзность налицо.

Девчонка мчится в дом к родным,
И те ведут разбор полётов:
Не увлекается ль спиртным,
Какая у него работа?
Что говорят о нём в народе,
Не вор ли он и не бандит,
Одет ли он сейчас по моде
Иль ходит в том же, в чём и спит?

И если он семью устроит,
Она согласие даёт.
Ему и дверь всегда откроют,
И песню каждый с ним споёт,
И с маслом ему сварят кашу,
И дабку пригласят сплясать,
И вслед заботливо помашут,
Когда пойдёт он ночью спать.

А как поженятся, то дом
Им купят новый, дорогой,
И улыбаться все кругом
Им будут по пути домой,
И вверх взметнутся все знамёна
Повсюду, чтоб любой в стране
Желал бы им, молодожёнов,
Стать здесь счастливее вдвойне.

Но вот Мишель с Азизой были
Лишь только близкие друзья.
Друг другу кольца не дарили –
У каждого любовь своя
Случалась в юности, и следом
Текла спокойно, не спеша.
Но принц был солидарен с дедом –
Азиза очень хороша.

ГЛАВА V

Приятный шквал воспоминаний
Принёс Мишелю настроенье, –
И он смирился, что в изгнание
Отправлен был без сожаленья.
Принц сочных яблок взял немного
И с удовольствием поел,
А после над лесной дорогой
Вниз ноги свесил и сидел.

Кто на телеге ездит часто,
Трясётся много дней в пути,
Тот, несомненно, станет хвастать –
Надёжней транспорт не найти.
Он медленный, зато спокойный,
И можно лучше разглядеть
Любой пейзаж вокруг достойный
И очень классно загореть.

Но, хочешь ты или не хочешь,
От тряски всё равно ломает,
К тому же из лесных урочищ
Куница прыгнуть, озорная,
На спину может, укусить
И шею полоснуть когтями,
И потому её дразнить

Нельзя, кидаясь желудями.

И принц, конечно, не дразнил
Ни белку, ни лису с куницей.
Он под ногами сено взбил,
Чтоб сесть удобней ухитриться,
А свежий воздух щекотал
Мишелю нос весьма приятно,
И он то ёрзал, то дремал,
А то похрапывал занятно.

Навес над головой Мишеля
Мешал смотреть на небо вверх,
А принц ведь масло с акварелью,
С холстом и кистью для утех
В сундук взял по совету мамы,
Чтоб рисовать в пути пейзажи –
И облака в движение плавном,
И вспышки синих молний даже.

Мать значила для принца много –
Ей он послушен был всецело,
Всегда придерживаясь строго
Её советов разных, смелых –
И как вести себя с друзьями,
И как в кругу врагов общаться,

И как увлечь людей словами,
И как с девчонками встречаться.

При этом мама не стремилась
Его тотально подчинить,
Лишь иногда вблизи садилась
И начинала говорить
О том, что для Мишеля важно
Могло стать в очень сложный миг,
Где надо быть весьма отважным,
Чтоб резко остудить других.

Вот, например, – в толпе людей
Разгневанных всегда есть главный,
И он обычно всех смелей
И всех других активней явно.
Вот с ним и надо драться сразу
Или вести переговоры,
Чтоб успокоились все разом
Во время бунта или ссоры.

И даже если проиграешь
Ему, то шанс всегда есть в том,
Что унижений не познаешь
Ты после от врагов кругом.
Ведь главный – часто воин смелый,

Кто хочет просто утвердиться
И храбрость показать по делу,
А не бессмысленно глумиться.

— А вот ещё, сынок, совет,
И он Мишель — принципиальный.
Ты не давай тому ответ,
Вопрос кто задаёт нахально.
Ведь собеседник, что унижить
Тебя прилюдно заприметил,
Напор уже свой вряд ли снизит,
Как ты ему бы не ответил,

Он так и станет задирать,
Чтобы достичь коварной цели —
Высмеивать, чтоб развлекать
Толпу, что ждёт всегда веселья.
Он словно в шахматы ходы
В беседе наперёд продумал,
И бесполезны все труды
Остепенять его от глума.

А если с самого начала
Проигнорируешь его,
Лишишь разгонного запала,
Дашь повод думать, что давно

С такими не имеешь дела,
Покажешь, что в себе уверен,
Отторгнешь его сразу смело –
Не будет имидж твой потерян.

Принц попросил остановиться
Ослов, а сам с телеги слез,
Решив искусством насладиться
И скуке выразить протест.
На тонкий щит полуметровый
Он натянул пеньковый холст –
Мольберт венецианский, новый,
Был в обращенье очень прост.

Мольберт прислали из Светлейшей
Венеции лет пять назад
От дожа, что весьма милейше
Общаться с Фахр эд-Дином рад
Всегда был, и дары друг другу
Они пересылали морем:
Текстиль, мушкеты и посуду,
Да и полотна на подпоре.

И вот уже рисунок принца
В телеге сохнет под навесом.
На нём рукою живописца

Запечатлѐн кусочек леса,
И там, средь зарослей дремучих,
Мишель нарисовать сумел
Ольху, высокую до тучи,
В которой шарм он углядел.

А у ольхи – ливанский дуб,
Что ветер обдувает мило.
Мишель рукой откинул чуб,
Но сверху вдруг ручьѐм полило –
Сначала вымок весь тюрбан,
А после потекло по носу,
А рядом выскочил фазан
И полетел за лес к утѐсам.

Когда-то принц понять пытался,
Как тучи формируют дождь.
Учитель-грек лишь ухмылялся
И, ошетинившись, как ёж,
Сказал не лезть не в своё дело:
– Мишель, законно размышлять,
Как мир устроен, – дерзко, смело –
Здесь может лишь седая знать.

Лишь узкий круг умов великих
Такое право получил.

Других же сразу встретят в пики,
Чего бы кто здесь ни открыл –
Как дождь устроен или снег, –
Приклеят кличку “вольнодумец”,
А после выставят на смех
В бочонке с грязью среди улиц.

Мишель в ответ напрягся сильно.
Он не любил насмешки очень,
И потому одет был стильно –
Умыт, причёсан, и подточен
Был каждый ноготь на руках,
Чтоб сохранялось уваженье
К нему в почтеннейших домах,
Имевших для него значение.

– Так, значит, если я узнаю,
Откуда дождь берёт начало
И нам колодцы наполняет –
Кому-то вдоволь, где-то мало, –
То это для страны – пустое
И для науки не столь важно,
И за открытие такое
Меня здесь грязью лишь измажут?

Грек косо посмотрел на принца

Обычным каменным лицом
И ткнул его в плечо мизинцем,
Как будто проверял яйцо –
Как сварено оно, – и что-то
Мишелю подсказало вдруг,
Что лжёт, бесстыже, нагло с лёта
Сейчас его учитель-друг.

Довольно странно, что наука
В стране под жёсткою цензурой.
Кто воспретил входить без стука
Туда, где взять для корректуры
Своих всегда неполных знаний
Всем важно новые ключи,
Причём без статусов и званий
И не на цыпочках в ночи?

И тут грек громко рассмеялся:
– Да я же просто пошутил,
И, если уж перестарался,
Тогда прошу, чтобы простил
Мне эту странную бестактность.
Мишель, секундочку вниманья!
Я сам испытываю жадность
Сейчас ко всем научным знаниям.

Мишель подпрыгнул на дороге,
Обидевшись на педагога, —
А дело было на пороге
Дворца, где слуг всегда так много,
И часть из них, услышав сказки,
Что принцу грек насочинял,
Залились смехом аж до тряски,
А кто-то даже заикал.

— А я всерьёз слова воспринял,
Какие ты мне говорил!
За чистую монету принял —
А ты выходит лишь шутил!
Смотри, как весело всем стало —
Все смотрят в сторону мою.
Ты мог предупредить сначала,
Что фальшью смажешь речь свою?

— Прости!
— Да я простил, простил!
И всё же в продолженье спора:
Я ведь, когда тебя спросил,
Не ждал лукавства или ссоры.
Мне просто очень непонятно:
Ведь не разгадано ещё
Секретов много столь занятных,

Как будто вход к ним запрещён.

– Ты шутку зря всерьёз воспринял.
На самом деле здесь, в Ливане,
Ты можешь заработать имя,
Раскрыв, что мир скрывает в тайне.
Но, правда, только единицы,
То есть лишь избранные, могут
Узнать секреты, ухитриться
И объяснить понятным слогом.

Я сам заглядываю в тучи,
Чтоб разобраться, что и как
И правильно ли нас здесь учат,
Что в туче, если взять черпак,
За двадцать лет не сможешь воду
Всю вычерпать и перелить
В хранилища с водопроводом,
Чтоб в засуху в поля пустить.

Так что дерзай же, если хочешь –
Ищи ответы на вопросы.
Не бойся, коли зубы точишь
На корни те, что перед носом,
Что грызть уже пора давно,
Чтоб объяснить их сущность людям.

Загадок для ума полно,
Но знай, что путь учёных труден.

Ведь есть действительно края,
Где вольнодумство не в почёте,
И там политика своя —
Немедленно крыло в полёте
Булатной саблей отрубают
Любым передовым идеям,
А иногда в костёр бросают
Того, кто возражать посмеет.

— Зачем в костёр?
— Чтоб остальные
Боялись поощрять науку,
Не лезли в дебри никакие,
К разгадкам не тянули руку
И к тем секретам, что отчасти
Уже имеют объяснения,
Весьма удобные для власти,
Не допускающей сомнений.

— И где на мудрость посягают? —
Мишель спросил на всякий случай. —
Где тех учёных поджигают,
Когда они народ дремучий

Хоть чем-то вразумить хотят?

– Испания, я знаю точно,

Ещё и в Австрии палят,

И итальянцы строги очень.

– А как же там вперёд наука

Идёт под этим сильным гнётом?

Там до сих пор стреляют с лука,

И нет им никакой заботы,

Что в странах, где законы проще,

Без казней за одну лишь фразу,

Есть пушки с огневою мощью,

Что дальше луков быют в три раза?

– Да нет, уж пушки всем доступны.

По всей Европе они есть!

В любой державе очень крупной,

Где проливают кровь, и месть

Довлеет в обществе всецело.

Оружия полно, что спорить?

Преследуют учёных смелых

За слом навязанных теорий.

– Сейчас я понял, мой учитель!

– Вот и бегут они туда,

Где на их мысль ограничитель

Никто не ставит никогда,
И там как раз наука может
Быстрее двигаться обычно,
Чем в странах, где подходы строже
К бесстрашным рассуждениям личным.

И потому всегда в Европе
Старайся осторожным быть.
В котле, конечно, не утопят
В бурлящем, чтобы суп сварить,
Но голову отсечь в Берлине
Иль сжечь в Толедо на костре,
Убить тех, кто вообще невинен, —
Для них — сдуть мошку на пестре.

— Но я вообще-то внук эмира,
Любой король об этом знает!
— Европа не желает мира
Ни с кем, как только исчезают
У них железо или медь
Из шахт, где это добывают.
Ты сам прекрасно знаешь ведь,
Как они быстро нападают

На страны, что слабее их,
И золото оттуда тащат.

Им интересен этот миг —
Они там словно волки в чаще
Напасть готовы на любого,
Чтобы ограбить и убить.
И внук эмира дорогого
Не сможет их остановить!

— Ну, то есть, лучше не сближаться
С испанцем или с итальянцем?
И слишком им не доверяться
Простому честному ливанцу?
— Ну, почему и в этих странах
Полно хороших и не жадных
Людей, как в городах Ливана,
Но также много кровожадных.

Мишель ещё историй много
В дороге вспомнил, чтоб взбодриться,
А ведь отъехал от порога
Всего лишь миль, наверно, тридцать.
Ослы вперёд бредут устало,
И вдруг плашмя с телегой рядом
Сухое дерево упало,
Ветвями краску окорябав.

Принц закричал, и не напрасно —

Ведь дерево убить могло
Его своей огромной массой,
Свались бы под другим углом.
Могло и расколоть весь кузов,
И раскидать ослов по лесу,
А также разбросать все грузы,
Что сложены здесь под навесом.

– Немыслимо! – Мишель воскликнул. –
Прекраснейшее приключение!
Меня врасплох сейчас застигнул
Особый случай, где мишенью
Я сам мог стать в лесу дремучем
И быть раздавленным мгновенно.
Ну, безусловно, дикий случай!
Я потрясён им совершенно.

И в этом не поспоришь с принцем:
В лесу, хоть в общем и опасно,
Но он поистине счастливец
Стал в этот день чудесный, ясный.
Стволы ведь падают не часто
Буквально от тюрбана в шаге,
Хоть день и ночь по лесу шастай
На запряжённой колымаге.

Сидел расстроенный, без дела,
Боясь промолвить даже слово,
Принц, ошарашенный всецело
Падением ствола сухого.
Дрожали руки с непривычки
И ноги тоже, между прочим, —
Но тряска — есть ответ логичный
На раздражитель сильный очень.

Он слез с телеги, ветки скинул,
Потом нагнулся ствол поднять
И оттащить на боковину,
Чтоб на дороге не бросать.
Но дерево имело вес,
Что сдвинуть лишь вдвоём возможно, —
Вот потому Мишель залез
Обратно в кузов осторожно.

Но прыгнул вновь, решив, что ствол
Убрать бы надобно с дороги.
Верёвку в сундуке нашёл
Среди других запасов многих,
Потом на дереве сучок
Ей очень туго обмотал —
Другой конец же поволок
К телеге, к ней и привязал.

Ослы вмиг поняли задачу –
И дерево с тропы убрали.
Знал принц, что поступить иначе
Нельзя, ведь путь освобождали
Они не только для других,
Но также для себя, чтоб знать,
Свободен здесь проезд для них,
Если назад придётся гнать.

Прошло полдня – в дороге снова
Трясётся в полной тишине
Мишель, весёлый принц рисковый,
Сидящий на своей волне.
Что ждёт его в поездке славной?
Каких людей он повстречает?
Кто станет его дамой главной?
Об этом принц ещё не знает.

И, неожиданно для глаз,
Как смелый штрих в однообразье,
Как в лаве розовый топаз,
Как важный смысл в скучной фразе, –
В телеге появилась птаха
И стала девушкой наружно –
Из-за чего ослы от страха

Чуть на дыбы не взвились дружно.

С момента перевоплощения
Прошло всего секунды две.
Исчезли крылья за мгновенье,
И когти, будто соль в воде,
Совсем бесследно растворились.
Потом на тоненьких ногах
Вдруг пальцы быстро появились,
И вот уж ноги – в сапогах.

Мишель настолько испугался,
Что снова вскрикнул неуместно,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.